

Борис НОЛЬДЕ

LA FORMATION DE L'EMPIRE RUSSE

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ ИМПЕРИИ

НОЛЬДЕ Борис Эммануилович (1876, Санкт-Петербург – 1948, Лозанна, Швейцария), русский юрист, барон. После окончания юридического факультета Петербургского ун-та работал в МИДе, затем являлся профессором ряда высших учебных заведений в Петербурге. Видный деятель партии кадетов, принимал активное участие в работе учреждений Временного правительства, белом движении. С 1919 г. в эмиграции (Франция), с середины 1920-х гг. отошел от политики. Занимался исследованиями в области международного права и истории рос. дипломатии. С 1947 председатель Международного Института права. Награжден французским орденом «Почетного легиона». Автор посмертно опубликованной двухтомной книги «La formation de l'empire Russe» («Образование Русской империи»), где исследуются (в т. I, 1952) история Башкортостана 16 – 18 вв. и индустриализация Урала в 17 – 18 вв.

Том I

Глава VI

Усмирение Башкирии

Перевод с французского кандидата филологических наук Лилии
САХИБГАРЕЕВОЙ

Первое появление русских в Башкирии. Русские впервые появились в Башкирии в 1585 г., в период основания Уфы. В течение долгого времени они были представлены в Башкирском крае небольшой административной и военной группами. Возглавлял их воевода, находившийся в Уфе. Обычно это был стольник – достаточно скромная должность в бюрократической иерархии, соответствующая полковнику. У него не было заместителя («товарища»), как в более крупных городах, таких, как Казань или Свияжск. Иногда дьяк (духовное лицо), но обычно подьячие (помощники дьяка) помогали воеводе в ведении дел. Воевода, дьяки и подьячие жили в Уфе. В их резиденцию (съезжая изба, съезжий двор, приказная изба) подданные представляли свои челобитные и там же хранились архивы¹.

---

¹ См. следующие сборники документов: Вельяминов-Зернов В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864; Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1903. В этих источниках описан административный аппарат Уфимской

Административно Уфа подчинялась Приказу Казанского дворца, который осуществлял свою власть либо через Казань, либо напрямую². Поэтому российская политика в Башкирии в основном использовала методы, уже апробированные на казанской территории.

Воевода командовал военным гарнизоном, расквартированным в Уфе, который вначале был очень малочисленным. Первые сведения о нем, которыми мы располагаем, восходят к 1625-1630 гг. При воеводах Волынском, Чичерине и Елабужском насчитывалось 31-36 детей боярских, 218-219 стрельцов, 4 пушкаря, 11 переводчиков³. Они контролировали весь обширный башкирский край. В 1635-1636 гг. уфимский гарнизон пополнили 200 пеших стрельцов, 100 конных и 48 детей боярских⁴. Мензелинский и бирский гарнизоны также были малочисленными. Первый состоял из «козаков» – полусолдат-полуземлепашцев. К 1655 г. он увеличился за счет перевода из Смоленска группы мелких дворян (шляхтичей), которые гордились тем, что при польских королях были «панцирными боярами под черным знаменем»⁵. Бирск защищал небольшой отряд стрельцов.

провинции начиная с 1615 г. Отдельные сведения имеются в большом сборнике документов Московского государства: Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С.263 и сл.

² См. наказ воеводе Сомову (1664 г.): «...велеть подать в приказе казанского дворца боярину князю Юрею Алексеевичу Долгорукову... счетные списки всяким государевым денежным доходам и хлебу...» (Новиков В.А. Указ. соч. С. 190). Ср. указы от 18 января 1678 г. (Там же. С.186 и сл.) и от 19 ноября 1680 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. II. № 844). По указу Петра Великого об образовании губерний Уфа вошла в состав Казанской губернии и находилась в ее составе до 1728 г.

³ Новиков В.А. Указ. соч. С.9; В.Витевский (Витевский В. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. Т.II. С.374) не соглашается с приведенными Новиковым данными о численности служилых людей в 1625-1630 гг., считая, что в этот период Москва направила в Уфу 1677 чел. Но это неверное утверждение: число служилых оставалось в то время неизменным.

⁴ Новиков В.А. Указ. соч. С. 10 и сл.

⁵ См. доклады отставных унтер-офицеров и солдат из Мензелинска, смоленских шляхтичей, обосновавшихся в том же городе, и отставных унтер-офицеров и солдат из Бирска в Уложенную комиссию 1767 г.: Сборник Императорского Русского Исторического общества. СПб., 1903. Т.115. С.217; СПб., 1894. Т.93. С.12 и сл. Поименный список шляхтичей из Мензелинска, составленный в 1681 г., см.: Новиков В.А. Указ. соч. С.201. О плате шляхтичам за службу в 1729 г. см.: Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII. № 5445.

Дети боярские и воинские командиры были первыми русскими переселенцами в Башкирии. За свою службу они получали земельные поместья в на расстоянии 10-35 километров от Уфы. Вначале число этих поместий было очень ограниченным; колонизация имела достаточно скромные размеры, поскольку, несмотря на обширные массивы «диких полей» вокруг Уфы, поместья, которые получали служилые люди, были невелики. Конечно, они могли бы претендовать на гораздо более обширные участки, но как и в Казани, отсутствие рабочих рук для их обработки делало это невозможным. Например, Куровский получил в 1644 г. 50 чет на поле, то есть около 80 га, хотя по закону мог взять 456 чет. Поместья редко превосходили 30 чет на поле, то есть 45 десятин (приблизительно 50 га). И если несколько семей детей боярских получили более значительные земельные пожалования (как, например, Фирс Аничков в первой половине XVII в. – 80 чет, или около 130 га, Иван Каловский в 1613 г. – 236 чет), то очень вероятно, эти семьи были настолько большими, что могли содержать такие владения. Заметим, что часто поместья были настолько мелкими, что дети боярские за свою службу еще получали доплату серебром или зерном⁶. В течение долгого времени кроме этой небольшой группы населения в Башкирии не было других переселенцев.

Крестьян здесь тоже не было. К концу XVII в. правительство в целях обеспечения поместий детей боярских рабочей силой было вынуждено уступить им дворцовых крестьян из расчета 3 семьи (двора) на поместье, имеющее менее 3 семей крепостных⁷. Стихийное переселение крестьян из центра России на земли бывшего Казанского ханства и через Пермь в Западную Сибирь обходило стороной Башкирию. Этот край еще был почти неизвестен и слишком слабо заселен.

Московское правительство в то время не только не поддерживало крестьянскую колонизацию Башкирии, но и категорически ей противилось. Оно предвидело, что переселение сюда русских крестьян неизбежно столкнет их с башкирами; правительство пыталось избежать конфликтов и сохранить мирные отношения с местными племенами. В 1663 г. Москва запретила башкирам уступать свои земли российским подданным. Инструкции уфимскому воеводе Сомову требовали учинить крепкий запрет башкирам всех дорог и волостей: «чтоб они вотчин своих и бортных... и никаких угодий русским людям и черемиса и чуваше... и татаром не

---

⁶ Новиков В.А. Указ. соч. С. 193 и сл. Юридическая природа земельной концессии в виде поместья была, конечно, та же, что и в самой России: оно передавалось по наследству за службу.

⁷ Новиков В.А. Указ. соч. С.26 и сл.

продавали и в оброк не отдавали для того, чтоб оттово меж ими ссор больших не было и владели бы башкиры своими вотчинами, а будет что башкирцам доведетца отдать в оброк и им отдавать своей братье башкирцам на год и на два, а больше дву годов не отдавать, а русским людям никому отнюдь не отдавать, да будет русских людей закладная или иныя какия крепости и будут те им крепости не в крепости, а деньги их пропадут даром»⁸.

Эти распоряжения впоследствии многократно подтверждались русским правительством. В 1678 г. башкиры-табынцы пожаловались в Москву, что их исконная собственность, включавшая солончаки, была занята двумя русскими, Ивашкой Первишиным и его братом, а затем уступлена ими некоему Федору Ключину. Москва немедленно отреагировала, дав уфимскому воеводе Венедикту Хитрово следующее распоряжение: «И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, а буде та вотчина изстари башкирская, а завладели тою вотчиною руские люди и продали, а по грамоте отца нашего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, веса Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, руским людем их башкирскими вотчинами владеть невелено и отказано и ты б о том учинил против прежнего нашего великого государя указу руским людем башкирскими вотчинами владеть не велел и ясак... Башкирцов имать по нашему великого государя указу, а от насилства от русских людей их, башкирцов, оберегать, чтоб им ни от кого от русских людей напрасных продаж и убытков не было ни которыми делы»⁹.

Запрет русским приобретать башкирские земли был еще раз подтвержден в грамотах, данных воеводе Дмитрию Головину в 1695 и 1696 гг.¹⁰

В отличие от казанских территорий Дворец и духовенство долгое время не играли никакой роли в колонизации Башкирии. Правда, с XVII в. существовало несколько владений Дворца рядом с Уфой, но они были не столь значительными, чтобы можно было говорить о какой-то колонизации¹¹. Что касается духовенства, то в Уфе до начала XIX в. не было даже епископа; несколько церквей и

---

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Дополнения к актам историческим. СПб., 1875. Т. IX. №31.

¹⁰ Лебедев В. Башкирское восстание 1705-1711 гг. // Исторические записки. М., 1937. Т. I. С.89.

¹¹ Новиков В.А. Указ. соч. С.24, 26, 29; Дополнения к актам историческим. Т. IX. № 24 (село Каракулино, упомянутое в 1677 г.).

монастырей, основанных русскими, также не играют в то время большой роли в колонизации края¹².

Войска, расквартированные в Уфе – пешие и конные стрельцы (последних часто называли «козаками»), также не были субъектами колонизации. Они получали жалованье за счет государства и пользуются лугами и рыбными ловлями в окрестностях города, однако обычно часто меняют место службы и не оседают в крае. Если некоторые из них и остаются здесь после своей отставки, то продолжают жить в Уфе и становятся обывателями. Мы встречаем отставных солдат среди уфимских избирателей в Уложенную комиссию в 1767 г. Они не отличаются от других жителей города¹³.

Для того, чтобы получить поместье в равнинной части Уфы, воин должен был стать офицером. Источник, датированный 1647 г., объясняет, как простой стрелец смог стать уфимским помещиком. Этот документ достаточно длинный, но заслуживает того, чтобы его воспроизвести целиком, ибо он полон живописных исторических деталей: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всей России на Уфу воеводе нашему Федору Андреевичу Алябьеву бил нам челом уфимский стрелец Артюшка Акатов сын Щиголев, а сказал прежде сего при прежних государях и при отце нашем блаженныя памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всей России служили родители ево и он, Артюшка, служил нашу службу по ливнам в детях боярских, а в московское раззорение был он под Москвою и после де московского раззорения был он на нашей службе под новым городом в Бронницах с боярином со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким с товарищи, а после де того был он на нашей службе в полку у боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского с таварищи ходили... и под Орлом у них... и людьми был бой и на том бою нам служил и литовские люди его ранили и взят в полон и в полону он живот мучил пол третья годы и из полону де из Литвы он вышел на наше имя из бедности стал в конные стрельцы и служил нам на Уфе в конных стрельцах двадцать восемь лет и как де приходили на Уфу Ардет Такида с калмыцкими людьми биться и как де приходили калмыцкие царевичи Абла да Тявка со

---

¹² Рычков П.И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. С.374 и сл. Успенский монастырь в Уфе в 1681 г. владел 132 крестьянскими хозяйствами (дворами): Полное собрание законов Российской империи. Т.II. № 898. Но он был единственным мужским монастырем в провинции. Имелся также и женский монастырь, где 27 монахинь получали государственные пособия, а остальные жили на подаяния.

¹³ Сборник Русского Исторического общества. Юрьев, 1915. Т.147. С.195 и сл., 199 и сл.

многими калмыцкими людьми под город Уфу и воевода де наш Микита Вельяминов против тех царевичей высылал из города ратных людей и он де, Артюшка, с калмыцкими людьми бился и нам служил и Божию милостию и нашим счастием тех двух царевичев Тявку и Аблу взяли с их людьми, а иных многих калмыцких людей и побили и ево, Артюшку, на том бою ранили в правую руку из лука в дву местах да в спину и он де на том бою убил дву мужиков и после де того приходили по Уфу калмыцкие ж люди и воевода де Иван Салтыков против тех калмыцких людей и их служилых высылал на бой и он де, Артюшка, с калмыцкими людьми бился и убил мужика, да он де, Артюшка, был на нашей службе с воеводою со Львом Плещеевым сам третей с детьми в передовом полку у Андрея Плещеева с башкирцы и Божию милостию, а нашим счастием калмыцких людей побили и ево де, Артюшку, на том де бою ранили из лука, пробили грудь ка правому плечу и он, Артюшка, убил мужика да на том же де бою убили ево большева сына до смерти и нам бы пожаловать ево, Артюшку, за те ево к нам многия службы и за кровь и за раны и за кровную смерть сына ево велеть бы ево, Артюшку, поверстать в дети боярския на убылое место уфинца Семена Гладышева по городу Уфе и нашим денежным жа.: ваньем и поместным окладам кому он службою и отечеством в версту поверстать и мы пожаловали того стрельца Артюшку Щиголева к нам многия службы и по родству, что родители ево служат нашу службу по ливнам в детях боярских, велели ему нашу службу служить по Уфе в детях боярских на убылое место Семена Гладышева, а нашего жалования учинен ему оклад по верстанью боярина нашего князя Алексея Никитича Трубецкаго да дьяков наших Пятова, Спиридонова да Томила Перфильева поместнаго 150 четей денег с городом 6 руб. и как к тебе ся грамота придет, а Семена буде Гладышева не стало и на ево место по нашей грамоте ни кому служить по Уфе не ведено и ты б ево в десятню и в служилой список веле написать на Семенова место Гладышева по ево, Артюшкину, поместному и денежному окладу и наше жалованье на Уфе... уфимским детям боярским велел ему нашу службу служить уфинцы с детьми боярскими и вместе. Писан на Москве лета 7155 (1646) года декабря в 20 день»¹⁴.

Итак, долгое время дети боярские были единственными колонистами в Башкирии. Но даже если не обращать внимание на их малочисленность, они все равно не могли обеспечить настоящее российское проникновение в этот край, так как чисто военные задачи, стоящие перед войсками, были чрезвычайно трудными и охватывали

---

¹⁴ Новиков В.А. Указ. соч. С.221 и сл.

широкий круг проблем. Ярким свидетельством тому как раз и является послужной список Артюшки Щиголева.

Приведем еще два подобных документа. Первый посвящен защите Уфы в 1635 г. от пришедших из Азии калмыков, второй – подавлению башкирского восстания в 1668 г.

Первый источник сообщает: «Лета 7143 (1635) года июня в 20 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея России указу память Федору Ивановичу Коловскому да с ним уфинцом детям боярским и конным стрельцом ехать им по Сибирской дороге в Кущинскую и в Балыкатайскую и в Челзоутскую и в Каратабынскую и в Айскую волости за Урал гору и приехав им в те волости велети выслать башкирцев по сю сторону Урала горы кочевати в крепкие места, а самим им, Федору, собрався тое сибирския дороги с башкирцы с ратными людьми стояти в крепких местах осто-рожливо и от себя им, Федору, посылати в подезжие станицы детей боярских и стрельцов и башкирцев по скольку человек пригоже смотря по тамошнему делу проведывать про сибирских царевичов, про Аблая з братьею с калмыцкими воинскими дей потому, что приходили те сибирские царевичи с калмыцкими воинскими людьми в башкирские волости войною не большими людьми и повоевав башкирские волости и назад пошли, а говорили де оне назад пошедши так как де сарана поспеет копать и они де, сибирские царевича Аблай з братью и с калмыцкими воинскими людьми хотели быть в то время в Уфимской уезд с башкирские волости войною и буде станичники в одежей станице пометят тех сибирских царевичей Аблу с братьею с калмыцкими воинскими людьми и ему, Федору, с вестями отписати тот час на Уфу, в город к воеводе Миките Дмитриевичу Вельяминову да к подьячему Па-хому Лучникову и самим ему, Федору, с ратными людьми прося у Бога милости над теми сибирскими царевичи и над калмыцкими воинскими людьми разсмотреть итьти по людям поиск чинити сколько милосердный Бог помощи подаст, чтоб калмыцких людей побить и себя б и работных людей от них уберець и уфимский уезд башкирские волости повоевать не дать...»¹⁵.

Военные действия в юго-западной части Башкирии, о которых идет речь во втором документе, были еще более серьезны: «176 (1668) марта в 26 день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца указу стольник и воевода Петр Тимофеевич Кондырев, да диак Иван Родионов велели голове уфинцу Миките Фирсову Аничкову итить с ратными людьми на Яик и не доходя казачьяго

---

¹⁵ Новиков В.А. Указ. соч. С.193 и сл.

городка, с которого места податнее по совету с головою с Иваном Черниковым-Анучиным большим и со всеми головами вопче которые в том походе послать к ним казаков с вестью, чтоб они, казаки, к вам головами шли щ указное место на сход вскоре и с ними, казаками, проведать подлинно итить на Чучалея царевича и на изменников башкирцев для поиску, чтоб их, башкирцев, однолично от измены обратить и учинить под государскую самодержавною высокою рукою в вечном холопстве по прежнему, а которые от измены необращаются, чтоб их до конца раззорить, а буде яицкие козаки к вам, головам, за чим не пойдут, а про Чучалея царевича и про изменников башкирцев будет ведомость, что они кочуют не в дальних местах и небольшими людьми и итить на них мочно и над ними за помощью Божиею потому ж поиск всякой чинить и на станех ставитца вопче и быть в том походе во всяком ратном деле в совете, а бесовства никакова меж собою не делать, чтоб государеву делу порухи никакой не учинить и людей бы ево государевых соблюсти в целости"¹⁶.

Эти два документа свидетельствуют, что уфимский гарнизон был малочисленным, и Москва, чтобы не тратить на него больших денежных средств, одаряла служилых людей землей по соседству.

Постепенное подчинение башкир. Чиновники и войска, которых Москва начала посылать в Башкирию с конца XVI в., оказались окружены, с одной стороны, коренным населением, рассеянным на огромной территории, а с другой – Уральскими горами. Как я отмечал выше, коренное население не было объединено политически. Для русских это было и на руку – не требовалось крупномасштабной военной операции, которую Москве пришлось осуществлять против Казани и Сибирского ханства, и, одновременно, проблемой – установление российского господства над новыми территориями потребовало передачи властных полномочий на места; этот процесс был долгим и не раз сопровождался конфликтами.

Что касается башкир, то они состояли из многочисленных и независимых друг от друга племен. Хотя они очень часто перекочевывали с места на место, русские называли их «волость» («община»). Племена в свою очередь делились на тюбы. Лишь в 1734-1735 гг. по инициативе одного из самых выдающихся царских наместников Башкирии Кирилова российская администрация смогла составить полный список племен и тюб. Согласно этому списку, край

---

¹⁶ Новиков В.А. Указ. соч. С. 196 и сл. Ср. порядок службы Семена Павлова в документе от 20 сентября 1677 года: Дополнения к актам историческим. Т. IX. № ПО.

подразделялся на четыре дороги, которые, вероятно, выделялись по чисто географическому принципу. Дорога состояла из племен («волостей»), а каждая волость – из множества тюбов или аймаков. Например, племя кыпчаков, о котором мы еще будем говорить, разделялось на шесть тюбов: бушман, суун-кыпчаки, чанкин, сары-кыпчаки, кары-кыпчаки¹⁷. Башкиры еще в XVI-XVII вв. являлись кочевниками. Земледелие было у них крайне редким явлением. Они разводили скот, занимались охотой и бортничеством в девственных лесах и постоянно кочевали¹⁸. Документ, извлеченный из уфимских архивов и датированный 21 августа 1649 г., сообщает о подвижности башкирских племен следующее: «Августа 21 дня прислано от великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея России самодержца на Уфу в приказную избу стольнику и воеводе Льву Афанасьевичу Плещееву грамота, а в грамоте писано: пришли четыре человека от башкирцев, а именно: Титегач, Азнан-Ильчик, Темир и Кармыш, и пришедший себя объявили и рабством своим приложились, что нас триста домов и просили: оставшиися от

---

¹⁷ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1759. С. 120 и сл. Ср. очень интересные карты, составленные в 1755 г. Красильниковым и переизданные в прошлом веке: Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по ландкартам Красильникова и «Топографии» П.И.Рычкова 1755 года. Оренбург, 1880. Во время ревизии населения Уфимской провинции русские власти уравнивали тюбы, зарегистрированные Кириловым, с башкирскими дачами, которые являются чисто территориальным образованием. Ср. наблюдения С.И.Руденко над терминами «тюба» и «башкирская дача»: Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Пгр., 1916. Т.1. С.31 и сл.

¹⁸ Паллас, посетивший Уфимскую провинцию в 1770 г., писал: «Хлеба сеют мало. При великих конских табунах и пчелиных ульях, богатство им доставляющих, почти нельзя думать, чтобы из них когда-нибудь сделались пахотные люди. Притом хлеб у них не употребляется повседневно» (Паллас П.С. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768 и 1796 году. СПб., 1773. С.650 и сл.). Другой академик, Лепехин, также констатировал в 1770 г.: «Хотя башкирцы по сие время очень худые и ленивые хлебопашцы, однако по соседству с рускими и с ясашных татар селениями начинают вникать в хлебопашество и всякий старается по крайней мере столько посеять хлеба, сколько для домашнего обихода потребно» (Продолжение путешествия академика Лепехина. Ч.3 // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук по предложению ея президента. СПб., 1822. Т.4. С.27-281). Действительно, документы XVII – первой половины XVIII в. содержат мало признаков существования культуры земледелия у башкир и вполне вероятно, что во времена Палласа и Лепехина земледельческое хозяйство в Башкирии только зарождалось. Я не знаю, на чем основывается автор статьи «Башкиры» в Уральской Советской Энциклопедии (Свердловск, 1933. Т.1. С.277-287), когда пишет, что западные башкиры уже были земледельцами к моменту прихода русских в конце XVI в.

перешедших нагаевских башкирцев земли, по обе стороны Белой реки, верхнее урочище – от устья Негуш реки, а нижнее урочище – Кугульковой горе к Белой реке текущими мелкими речками и вращками и степями с лесными угодьями и горами, за которой платить им в казну сто куниц и потому царь и великий князь Алексей Михайлович Титегач бы, Азня, Ильчим-Темира, Кармыша с триста домами за приклонение рабством своим всех их пожаловал нагайскими землями и чтоб платить ежегодно сто куниц, а Титегача пожаловал мурзою чином, Азня пожаловал старостой и пожаловал их кармазинным кафтаном»¹⁹.

Таким образом, целое племя во главе со своими вождями меняло место проживания, сохраняя при этом единство.

В этой малознакомой для них стране русские продвигались медленно и осторожно. Опыт Казани и Урала подсказывал им, как надо здесь действовать: обязательное вводить ясак и сотрудничать с отдельными туземцами. В нашем распоряжении имеются лишь фрагментарные свидетельства о постепенном обложении башкир ясаком. В 1629-1633 гг., примерно через полвека после основания Уфы, только 888 семей («дворов») платили ясак. В 1635-1636 гг. их было уже 2217. В 1739 г. перепись, проведенная князем Урусовым, показала 7192 двора и 19266 душ, платящих ясак. Вероятно, на первых порах русские обложили ясаком те племена, что жили рядом с их административными центрами. Как известно, этих центров вначале было мало, но затем они подчинили себе и более отдаленные племена²⁰. В отличие от Казани, в Башкирии и Западной Сибири Москва взимала ясак не деньгами, а мехом. Видимо, в то время башкиры еще не знали денежного обращения. Как собирался ясак, говорит документ первой половины XVII в., в котором Москва инструктировала верхотурского воеводу Данилу Милославского: «...В прошлом же во 141-м (1633) году писано к вам в нашей грамоте по челобитью Верхотурского уезду, Уфинские волости и башкирских ясачных людей сотника Ишинбайка Кулушева с товарищи, а велено к тем ясачным башкирцам посылати с Верхотурья для збору и высылки ясачные мяжкие рухляди служилых людей добрых не помногу летом, и о том велено им приказывати и в наказные памяти писати с великим подкрепльем, чтоб они, будучи в ясачных волостях, ясачным башкирцом Ишинбайку Кулушеву с товарищи и иным ясачным людям насильства и налоги некоторые не чинили и лишних ясаков сверх окладу с них не имали и собою служилым

---

¹⁹ Новиков В.А. Указ. соч. С. 184.

²⁰ Витевский В. Указ. соч. С.393; Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3380. Эти цифры не учитывают башкир Исетской провинции на востоке Урала.

людem в ясачные волости для своей бездельные корысти ездить не велено, что в том ясачным людем утеснения и в нашем ясаке недобру не было. А как ясачные башкирцы сотник Ишинбайко Кулушев с товарищи и иные верхотурские ясачные люди учнут приходити на Верхотурье с нашим ясаком и с тех ясачных людей велено имать наш ясак по окладным ясачным книгам. И в прошлых годах по 134-й (1626) год со всех верхотурских ясачных людей имали нашего ясаку по 5-ти соболей с человека, а с Ышынбаевы сотни с товарищи да с Чюсовской волости имали ясаку по нашей грамоте по окладу по 2 сорока соболей да по 3 сорока куниц»²¹.

Заметим, что в других частях Башкирии ясак выплачивался не собольими и кунными шкурками, а лисьими²². Размер ясака был небольшой, что еще раз говорит об осторожности московской политики в крае. Так, лисья шкурка оценивалась в 80, а кунья – в 40 коп.; таким образом, в среднем башкирский двор платил по 20 коп. в год²³. По сравнению с тем налогом, что взимался со двора в самой России, это было немного.

Кроме ясака русское правительство вменило башкирам в обязанность заниматься извозом²⁴. Русских в Башкирии было мало и поэтому вряд ли это бремя было, по крайней мере вначале, тяжелым.

«Верные башкиры». Подобно тому, как это было в Казани и в Сибири, русская администрация старалась сразу же заручиться поддержкой «служилых людей», в основном принадлежащих к элите башкирского общества.

Впервые об этом упоминается в датированном 1601 г. письме уфимского воеводы Михаила Нагого к своему тюменскому коллеге – они оба сидели в главных центрах только что возникшего Казанско-Сибирского тракта – в котором сообщается о попытке приведения сибирских царевичей под русское подданство. Нагой пишет, что послал в Сибирь детей боярских и с ними служилых новокрещен, переводчиков, а также двух башкир-табынцев (табын – башкирское

---

²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т.III. № 178.

²² Три лисицы упоминаются в грамоте 14 марта 1668 г., одна лисица – в грамоте 17 апреля 1735 г.: Вельяминов-Зернов В. Источники. С.5 и сл., 28, 32 и сл.

²³ Вельяминов-Зернов В. Источники. С.48; Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.64.

²⁴ Новиков В.А. Указ. соч. С.184, 187-188; Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.64-65.

племя, проживавшее вдоль реки Белой, недалеко от Уфы, рядом с русскими)²⁵.

Тридцать лет спустя башкир, находящийся на службе у Московского государства, становится обычным явлением. Вот что говорится в грамоте, выданной 5 декабря 7140 (1632) г. уфимскими властями одному башкирскому предводителю: «На съезде дворе Савве Тимофеевичу Аристову да Богдану Юрьеву подал челобитную Уфимского уезду Ногайской дороги Кипчацкой волости Качанако Кырпычаков, а в челобитной ево написано: изстари де дед ево и отец был в Кипчацкой волости в князех, и он де после отца своего Государю служит в князех же, и Государь бы ево, Качанака, пожаловал, в ясак ево, Качанака, писать невелел, а велел бы ему служить в княжестве ж по прежнему, как был дед ево и отец, и как служил по сию пору он. И по Государеву Цареву Великому Князю Михаила Феодоровича всея России указу Савва Тимофеевич Аристов да Богдан Юрьев Качанака Кырпычакова в ясак писать не велел, а велел ему, Качанаку, в Уфимском уезде быть до Государева указу в служилых по прежнему, как он написан в уфимских книгах. К сей памяти Савва Тимофеевич Аристов печать свою приложил»²⁶.

Этот документ ярко характеризует тогдашнюю политику Москвы: Качанако Кырпычаков является «князем», т.е. вождем племени, и одновременно он состоит на русской службе. И дед и отец его служили русским, следовательно, эта традиция уходит своими корнями к первым годам русского проникновения в край. Следует заметить, что племя Качанако Кырпычакова проживало в 200 км от Уфы – значит, русским уже тогда подчинялись довольно удаленные племена. Племя Качанако платит ясак, и вождь просит освобождения от этой обязанности. Однако упомянутый документ ничего не говорит о характере его службы. Это уточняют другие источники.

Освобождение от уплаты ясака поступивших на русскую службу башкир делает их привилегированным сословием: они становятся «тарханами» – термин, который ранее существовал в Казанском ханстве, но чаще всего употреблялся в Башкирии. Тархан – это не всегда князь или вождь племени, находившийся на русской службе: были и другие способы стать тарханом. В основном это звание переходило от отца к сыну по наследству²⁷. Сохранилось

---

²⁵ Русская Историческая Библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою Комиссиею. СПб., 1875. Т. II. № 99.

²⁶ Вельяминов-Зернов В. Источники. С. 39.

²⁷ Там же. Вот, например, племя кыпчаков, к которой принадлежал род кырпычаков. В XVII в. в нем имелись следующие тарханы (датировки по грамотам): Бакычко Качакаев (1652 г.), Канкаска Девлетбаев с братьями, детьми и

около 30 тарханских грамот и в них везде соблюдается наследный принцип передачи тарханского звания.

В большинстве случаев служилый башкир – тархан – был «дворянином» своего племени: титул тархана предоставлялся только по праву рождения, «по породе»²⁸. Старая племенная аристократия при русских сохранила свой статус. Но царизм создал и новую аристократию, даруя звание тархана за определенные заслуги; в таких случаях в тарханской грамоте не упоминается о предках ее обладателя²⁹. Появление новой аристократии, искусственно созданной русскими, несомненно, было вызвано историческими условиями: башкирские восстания, о которых речь пойдет ниже, скомпрометировали старую элиту и русские были вынуждены заменить ее своими сторонниками из социальных низов башкирского общества.

Тарханские грамоты не всегда сообщают о характере службы, которую обязаны были нести привилегированные башкиры, но кое-что на этот счет в источниках имеется. Так, например, в челобитной некоего Тоимбетки Янбаева (1652 г.), ходатайствующего о присвоении себе титула тархана, говорится: «...В прошлых де годех, как и Уфа город зачелась, служили де прежним Государям прадедево Китик тархан и дед ево Немик тархан Государеву службу в тарханех с уфимскими тарханы вместе, а отец де ево Янбай в тарханы был не записан, и отца де ево Янбая убили калмыцкие воинские люди тому лет з двадцать с пять, а он де после отца своего остался мал и в прошлом де 148-м (1640) году, как приходили под Уфимский город на руские деревни и на башкирские волости калмыцкой Лаузан тайша с воинскими людьми, и в те де поры он с теми воинскими людьми дрался, и на том де бою ево ранили тремя стрелами в голову, да в прошлом же де во 152-м (1644), как посылай был воевода Лев Плещеев с товарищи на калмыцкие улусы, и он де в

племянниками (1665 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С. 40-42 и 45), Актанай Калтаев (1678 г.) (Дополнения к актам историческим. Т.IX. № 36), Аккулка и Шекерка, сыновья тархана Уразаева (1685 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С. 40), Беккул Уразаев, сын тархана Уразаия Атеева (1686-1687 гг.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.45 и 41), Чингырчачка Маметев (1686 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С. 45), Тленчек Устемиров (1689 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.38-39), Кулумбетко Ямбетев (1690 г.) и Чюрюкейка Базюков (1693 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.37).

²⁸ Грамота от 11 августа 1687 г.: Вельяминов-Зернов В. Источники. С.31. Ср. грамоту от 31 мая 1678 г.: Дополнения к актам историческим. Т.IX. № 36.

²⁹ Грамоты от 20 января 1687 г. (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.34), февраля 1689 г. (Там же. С.30-31), 23 декабря 1689 г. (Там же. С.38-39), две грамоты от 25 февраля 1690 г. (Там же. С.30 и 37), от 4 февраля 1693 г. (Там же. С.41) и 27 апреля 1733 г. (Там же. С.5-6).

том походе на Государеве службе был же, и с калмыцкие люди коня и с седлом и с доспехом, да в прошлом же 156-м (1648) году, как приходил Чакула Калмак с воинскими людьми в Уфимской уезд под Курпеч-Табынской соловарной городок и тех калмыцких людей побили и в полон поймали, а на том бою он был же, и с калмыцкими людьми бился, и на том де бою ранили под ним коня, да в прошлом де 159-м (1651) году ходило их, уфимских башкирцов, двадцать пять человек по своей вере Богу молитца, и в те де поры приходили на Государеву вотчину на Закамской уезд ногайские мурзы с воинскими людьми и взяли многие деревни и чюваской многой полон, и с теми ногайскими воинскими людьми бились и многих людей побили, и чюваской многой полон отбили, Государю служили, а на том де бою он был же, и с ногайскими людьми бился, и многие де Государевы службы Государю служит с своею братьею равно, а братья де ево двоюродныя Юмай да Емметь служат Государю на Уфе и ныне всякия Государевы службы и посылки с уфимскими тарханы вместе, а он де в тарханы не записан, и Государь бы ево, Тоимбетку, пожаловал деда и отца ево за службу и за ево службу и за кровь и за раны велел ево написать в тарханы, и Государеву службу служить с служилыми тарханы вместе»³⁰.

Тоимбетка Янбаев охранял границы Башкирии. Но иногда башкирские тарханы исаоользовались в военных действиях, ведшихся очень далеко от их родины. Указ 1734 г., давший титул тархана Алдарбаю Исекееву и его семье, отмечал, что кроме экспедиции к казахам, тот принимал участие в Крымской и Азовской кампаниях, причем во время последней был трижды ранен и пленил крымского татарина³¹. Тоимбетка Янбаев и Алдарбай Исекеев ссылаются на участие в войнах против внешних врагов России. Другие в своих челобитных упоминают о своих заслугах внутри страны – об участии в усмирении восставших соплеменников.

Вот что говорится в тарханской грамоте 1668 г. о карьере Чурака Бук-кулова: «...Как де изменили башкирцы, а он де сидел в аманатах, из аманат посылай для уговору из измены башкирцов, а в то де время вместо ево в аманатах сидели дети и жена ево, на боях с уфинцы в посылках против изменников был, а ныне де стар, и Великого Государя в казну платил ясаку с речки Уила, что за Яиком, по три лисицы, а владеют де ею ныне калмыки, и того де ясаку взять негде. И по той Великого Государя грамоте о тарханстве ему, Чюраке, велено учинить по ево службе смотря. И в прошлом 173

---

³⁰ Документ от 30 декабря 1652 г.: Вельяминов-Зернов В. Источники. С.43 и сл.

³¹ Указ от 24 декабря 1734 г.: Там же. С.27 и сл.

(1655) году по указу Великого Государя как посылай был с Уфы уфинец Иван Черников Онучин Большой на Яик к изменникам башкирцам для уговору, и с ним, Иваном, для уговору послан из аманат он, Чюрака. И по указу Великого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, Кипчацкой волости башкирец Чюрака Буккулов за службу, что де он послан был к изменникам башкирцам на Яик и свою братью уговаривать, в тарханы и в служилой на Уфе список написан, и всякие Государевы службы служить ему велено с тарханы вместе, и чтоб Буккуловым детям ясаку не платить, служить тарханную службу»³².

Статус тархана, а именно право не платить ясак, давал его обладателю особые привилегии³³. Государство защищало имущественные интересы тархана, выдавая ему «оберегательные грамоты», очень ценившиеся в обществе, где право на частную собственность не было гарантировано и не всегда соблюдалось даже государством³⁴.

Первоначально башкирских тарханов было немного. Самый ранний по времени список «князьям, тарханам и дуванам» Уфимского уезда, имеющийся в нашем распоряжении, был составлен уфимским воеводой Петром Скуратовым в 1681 г. Он содержит 57 фамилий, но, по-видимому, является неполным, т.к. упоминает тарханов лишь 11 племен³⁵. Позже их число значительно возросло. В 1745 г. насчитывался 1431 тарханский двор. В отчете Уфимской провинциальной канцелярии за 1777 г. говорилось, что тарханов в трех дорогах – Казанской, Сибирской и Ногайской – было 636-653, однако при этом не учитывалась Осинская дорога и вся Исетская провинция³⁶.

---

³² Документ датирован 14 марта 1668 года: Там же. С.32 и сл.

³³ Оренбургский губернатор генерал Мансуров в своем донесении в Сенат 8 июня 1777 г. следующим образом определяет тархана: «...тарханы имели преимущество против башкирцов в том, что тархан разумеется служилой башкирец, а не ясашник, и для того пред ясашниками они в почтении, и то по своему обычаю паче жалованья в награждение себе ставили» (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.47 и сл.).

³⁴ Письмо-грамота от 8 февраля 1650 г.: Вельяминов-Зернов В. Источники. С. 10. Уместно заметить, что «оберегательные грамоты» иногда также даровались башкирам, обложенным ясаком, то есть представителям непривилегированного населения. Два таких документа (1640 и 1641 г.) воспроизведены в: Новиков В А Указ. соч. С.184-185.

³⁵ Новиков В.А. Указ. соч. С. 189.

³⁶ Витевский В. Указ. соч. С. 394; Вельяминов-Зернов В. Источники. С.8, Центр в целом не имел представления о числе башкирских тарханов, этот учет велся местной администрацией. В 1651 г. Москва поручила военному губернатору

Нерусская колонизация Башкирии. Достаточно неожиданным результатом присоединения Башкирии к Русскому государству стала миграция в край нерусских переселенцев из других регионов России, в какой-то степени предвосхитившая собственно русскую колонизацию, которой тогда еще не было.

Первая партия татар с правобережья Волги (Алатырь и Симбирск) была направлена русскими властями для усиления уфимского гарнизона в 1688 г. Затем сюда прибыли новые группы татарского населения. И хотя их число было незначительным – около 1000 человек к концу XVII в. – эти так называемые «мещеряки» сыграли достаточно активную роль в период башкирских восстаний в XVIII в.: они оставались на стороне правительства и помогали подавлять восставших башкир, поскольку за два века своего господства русские приучили мещеряков к повиновению³⁷. Общее число мещеряцких дворов в Башкирии доходило в середине XVIII в. примерно до 1700³⁸.

Гораздо более многочисленными были прибывшие с казанских земель и поселившиеся в Башкирии тептяри и бобыли. Причины их переселения объясняет указ 1725 г.: «По доношению Вологодского драгунского полка полковника Доригния... многие из татар хотели бежать в башкирцы за скудостью и пустотою от платежа, которых он удержал обнадеживанием, что будет он о той пустоте старание иметь; сверх того, приехал драгун с рубежа Башкирскаго, который был посылай для высылки подушных денег, рапортовал ему, что многие татары мурзинские с 4-х деревень бежали в башкирцы, а другие хотели его убить и подушных денег не платят... Ежели б повелено было полк его поставить по их рубежу, а ежели башкирцам запрещения не будет, то многие из татар побегут также...»³⁹.

Напрасно русские власти запрещали башкирам принимать беглых татар – этот процесс остановить было нельзя. К середине XVIII в. в Башкирии имелось множество татар, чувашей, вотяков, пришедших с севера и северо-запада и окончательно осевших в крае. Они поселились на башкирских землях в качестве

Уфы Федору Милославскому предоставить ей цифры; к сожалению, ответ губернатора до нас не дошел: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1842. Т.IV. № 58. Уфимский отчет за 1777 г., процитированный в тексте, является ответом на аналогичный опрос, предпринятый Сенатом спустя более века.

³⁷ Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.72 и сл.

³⁸ Ден В. Население России по пятой ревизии: Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902. Вып.2. С. 279.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4733. Аналогичное движение констатируется в том же году уральскими властями: Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4736.

землепашцев. Земли эти были столь обширны и так плохо обрабатывались самими башкирами, что условия, предоставленные переселенцам, были выгодны. Вот несколько примеров.

Вот как Аксеитка Чапин изложил условия своего поселения в жалобе против своих хозяев-башкир, адресованной царю. Он пишет, что в 203 (1695) году Нуркей со товарищи разрешили прийти ему в свою вотчину на условиях предоставления подвод и дали право основывать поселения, обрабатывать поля и косить сено. Нуркей со товарищи выдали ему письменный документ, согласно которому уступали свою собственность взамен на обязательства по предоставлению средств транспорта. В документе говорилось, что небольшая река Мешед включена в эти владения и Аксеитка Чапин имел право ловить в ней рыбу и строить мельницу.

В 1694 г. башкир Токпердишка Батишев разрешил татарину Бекметке Тойбахтину поселиться на своей земле с условием, что последний возьмет на себя выплату ясака размером в две куницы и половину батмана (местная мера веса) меда.

Положение нерусских переселенцев несколько отличалось от положения башкир, но было столь же легким, если судить по двум источникам 1760 и 1773 гг. В первом документе сообщается о башкирах, уступивших в аренду ясашным черемисам обширную территорию за ежегодную выплату всего 7 руб. Во втором говорится о землях, сданных башкирами в аренду чувашам-новокрещенам. 40 лет последние получали с этих земель прибыль землепашеством, добычей леса, охотой и ловлей рыбы, платя только 5 руб. в год. Кроме того, переселенцы выполняли различные повинности: строили мосты на реках, поставляли фураж проходящим военным, обеспечивали лошадьми правительственных курьеров⁴⁰.

Российское государство поддерживало нерусскую колонизацию. Оно обозначало ее носителей терминами, одновременно являющимися этническими и сословными – «тептяри» и «бобыли». Переселенцы были более покладисты и более дисциплинированы, чем коренные жители, поскольку нуждались в русской поддержке во время своих споров с башкирскими землевладельцами. Москва обложила тептярей и бобылей весьма умеренным ясаком, и рассчитывала на их помощь в случае возникновения в крае беспорядков. Налоги, которые платили тептяри и бобыли, зафиксированы в материалах переписи 1674 г. Из них следует, что первоначально налог, который платили эти категории

---

⁴⁰ Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском Университете. М., 1900. Кн.4. Отд. IV. С.28-29; М., 1901. Кн.1. Отд. IV. С.4-7; Известия Казанского университета. 1912. Т. XXVIII. С.585-592.

населения, не был четко определен. Годовой ясак колебался от 8 алтын 2 денег до 1 рубля 26 алтын, а ясак мехом взимался не всегда. Уфимский воевода стольник Петр Кондырев в 1674 г. упорядочил эту систему. Его люди обошли край, выявили бобылей, никогда не подвергавшихся учету и ввели единый ясак для всех тептярей и бобылей в размере 26 алтын 4 деньги и 2 куницы в год с человека. Общее число нерусских переселенцев в то время составляло 2571 двор⁴¹. Документы, приведенные выше, доказывают, что такого рода колонизация интенсивно развивалась и в течение следующего века.

Долгое время юридический статус тептярей, бобылей и мещеряков оставался в какой-то мере неопределенным. Их присутствие в Башкирии не было оформлено юридически, и с точки зрения норм тогдашнего права большинство их считалось «беглыми». В 1734 г. Сенат провел соответствующую реформу. Отклонив 18 марта 1731 г. прошение башкир об изгнании тептярей и бобылей, сенатский указ от 31 мая 1734 г. окончательно урегулировал статус нерусских переселенцев. К тептярям и бобылям были применены следующие положения: "...бьют челом окладные тептяри и бобыли, чтобы... и детей их и братьев переписать, и для той переписи послать кого надлежит и по переписке жить им по-прежнему в Уфимском уезде на башкирских землях так, как жили деды и отцы их: чего ради из Уфимской воеводской канцелярии публиковать же, чтоб такие тептяри и бобыли сами явились в Уфимской канцелярии и объявили о себе, о детях, братьях и родственниках своих, кто с ними вместе или порознь живут и какой они веры и давно ль кто откуда в башкирцы пришли и у кого у башкирцов в вотчинных землях поселились из найму или без найму, по записям или без записей и какой кто тептярской или бобыльской оклад платят или не платят, и кои не платят, тех обложить вновь и записывать всех их в особья тептярскую и бобыльскую книги порознь по дорогам, кои учинить для сего вновь, дабы они, тептяри и бобыли, были все в те книги записаны и положить той записке срок с объявленья о том указа в шесть месяцев; а кто, презрев Ея Императорского Величества милость, в те книги сами не запишутся, а после объявятся, такие почтены будут с беглыми, а сколько таких тептярей и бобылей записано и с них платежа в казну будет, о том обстоятельныя ведомости и табель прислать в камер-коллегию, а из той коллегии в Сенат, а нарочных переписчиков в уезд не посылать".

Указ от 31 мая 1734 г. также вынес решение по мещерякам: «Такожде в Уфимском уезде обретаются служилые татары,

---

⁴¹ Документ от 1 января 1678 г. см.: Новиков В.А. Указ. соч. С.168 и сл. Ср. источник, датированный апрелем 1700 г. (Там же. С. 187 и след).

называемые мещеряки, которых таким же образом, как и тарханов, учиня для них особую книгу, всех записать, чтоб и об них было известно, сколько их службе быть может, и прислать в Сенат по тому ж краткую ведомость и при том показать, какую они ныне по городу Уфе службу служат и по очередно ль или сколько когда наряжено бывает».

Таким образом, юридическую силу обрело фактическое, а не правовое положение вещей. Авторы процитированного указа посчитали необходимым прекратить несанкционированные миграции: башкирам было запрещено давать убежище русским и нерусским беглецам со своего законного места жительства, крестьянам, дворовым людям, драгунам, матросам, рекрутам и лицам, приписанным к строительству кораблей⁴².

Тептярей и бобылей было довольно много: в 1734-1735 гг. их насчитывалось 11294 «душ мужского пола», а в 1797 г. – уже 52193⁴³.

Башкирские племена изнутри⁴⁴. До середины XVII в. русские власти не вмешивались во внутреннюю жизнь башкир, ограничиваясь лишь сбором ясака, требуя исполнения ряда вышеупомянутых повинностей и вербуя на службу несколько сотен племенных вождей. О внутренней жизни башкирских племен нам известно мало. Видимо, тубы, составлявшие племя, подчинялись предводителям. Выше уже цитировались русские документы XVII в., упоминавшие о башкирских «князьях», но чаще всего в них фигурировали «батыры». Безусловно, батыры играли большую роль в политической жизни племен, и далее мы увидим, что они постоянно участвовали в столетней борьбе башкир против России. Мы не знаем, избирались ли батыры народом или этот титул переходил по наследству. Так или иначе, у нас нет никаких доказательств, свидетельствующих, что до середины XVIII в. русские вмешивались в их назначение. Русские власти использовали батыров в качестве посредников для сбора налогов или несения службы⁴⁵.

---

⁴² Полное собрание законов Российской империи. Т.VIII. № 5719; Т.IX. № 6581; Сборник Русского Исторического общества. Юрьев, 1900. Т.108. С.223-229.

⁴³ Ден В. Указ. соч. Вып.2. С.306 и сл.

⁴⁴ Параграф не закончен в рукописи автора. [Прим. французских издателей].

⁴⁵ В программе новой политики, разработанной в 1736 г. Кириловым, читаем: «... каждая волость должна иметь у себя выборных старшин, двух или трех, на которых можно было бы взыскать всякое преступление или неисправку, а теперь у них всяк большой, и указы пишут обще: тарханам, батырям и всем башкирцам» (цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1887. Т.XX. С.325). О племенных предводителях-тарханах см. отчет Исетской управительской канцелярии от 9 марта 1777 г.: Вельяминов-Зернов В. Источники. С.3 и сл.

Башкиры являлись мусульманами, и, следовательно, духовенство должно было играть у них большую роль. По-видимому, ислам стал проникать сюда с XIV в. из крупных магометанских центров Центральной Азии. Но прочно он укоренился в сознании башкирских масс только в период русской экспансии⁴⁶. Верная своей осторожной политике, Москва не проводила здесь насильственной христианизации населения (на землях бывшего Казанского ханства все было наоборот). Влияние мусульманского духовенства, которое в основном принадлежало к племенной элите, было значительным, и далее мы увидим ахунов (мулл), которые вместе с батырами стояли во главе башкирских повстанцев в XVII-XVIII вв.

Таким образом, когда в середине XVII в. Россия впервые столкнулась с противостоянием своей экспансии, ее власть над Башкирией была формальной.

Первые башкирские восстания (1662-1710 гг.). Постепенное проникновение русских в Башкирию долгое время не встречало никакого сопротивления: племя за племенем входило в орбиту московского влияния и поступало на службу или начинало платить ясак. К 1662 г. ситуация изменилась. С этого времени в течение более 100 лет русским будет противостоять весьма энергичное сопротивление, и за окончательное покорение башкир придется заплатить дорогую цену. Почти непрерывная война глубоко изменила политическую ситуацию, вызванную продвижением русских к Уфе и Тюмени.

О причинах первого башкирского восстания, вспыхнувшего летом 1662 г., известно немного. Русских тогда в Башкирии было так мало, что бунт скорее угрожал соседним российским провинциям, чем московским властям или их войску. Впрочем, башкиры были не единственными повстанцами: они восстали вместе с другими нерусскими народами. Руководили восстанием сибирские татары. Центр восстания находился в бассейне рек Тура и Сылва, по обеим отрогам Среднего Урала. Северо-восточные башкирские племена выступили в союзе с татарами и вогулами. Русские деревни были разграблены и соожены, а отряды повстанцев дошли вплоть до Кунгура и даже окрестностей Соли Камской. Спустя 10 лет монахи соликамского Вознесенского монастыря так вспоминали о событиях 1662 г.: «...В прошлом де во 170 (1662) году уфинские башкирцы

---

⁴⁶ В.Вельяминов-Зернов (Вельяминов-Зернов В. Памятник с арабo-татарской надписью в Башкирии // Труды Восточного Отделения Императорского Археологического Общества. СПб., 1859. Ч.IV. С.257-284) опубликовал отрывок из книги XVI в. (автор – Шарафутдин), которая называется «История Булгарская». Она посвящена отношениям между Башкирией и Центральной Азией. К сожалению, излагаемая в ней хронология очень недостоверна.

изменили и Кунгурской острожек взяли, и села и деревни запустошили, и русских людей и их черемису, и жен их и детей, порубили, и в полон побрали, и пограбили без остатку, а они де к изменником ни в чем не приставали и сидели с русскими людьми в осаде в Спаском монастыре, и с изменники бились, не щадя голов своих...».

Другой документ, исходящий от кунгурских черемисов, сообщает: «...В прошлом де во 170 (1662) году, сылвенского поречья ясашные татара и уфинские башкирцы изменники многие места, села и деревни опустошили и их Воздвиженскую пустыню церковь Божию сожгли, и многих старцов и белцов порубили, и житницы с хлебом и мельницы, что на Бабке речке, сожгли...».

Восстание 1662 г. представляло настолько серьезную угрозу центральной власти, что осенью Москва произвела мобилизацию людей в приграничных Пермском и Казанском уездах. В 1663 г. волнение распространилось на племена Ногайской и Казанской дорог, т.е. на юг и запад края. Бирск, в то время дворцовое село, был razорен. На юге повстанцы объединились с недавно появившимися здесь калмыками, разграбили русские и инородческие деревни и взяли полон. Осенью 1663 г. Москва была вынуждена срочно организовать защиту Прикамья, являвшегося границей Казанского уезда. Тем не менее, вряд ли это восстание имело большой размах. В 1664 г. уфимский воевода князь Андрей Волконский сумел договориться с предводителями башкир, которые собрались в окрестностях озера Аккуль. Повстанцы согласились разойтись по домам и соблюдать верность русской власти в обмен на обещание Волконского вернуть в Уфу их заложников, ранее увезенных в Казань, а также уважение привилегий и собственности башкир. Башкирская делегация поехала в Москву и в том же году добилась подтверждения вышеуказанного соглашения. В 1665 г. повстанцы прекратили борьбу.

Соглашение 1664 г. не коснулось северных башкир (Сибирская и Осинская дороги), но письмо Волконского от 1 марта 1664 г., информирующее о заключении мира с южными и западными башкирами, заканчивалось угрозами: «А только Сибирские и Осинские дорог башкирцы, или, хто ни есть, великому государю вскоре не добьют челом, поставит себе в оплошку, и какое кровопролития над ними где учинитца, впредь в том на столыника и воеводы князя Андрея Михайловича Волконского не пеняти, чтобы таковой конешной беды над собою не дожидались».

Действительно, северо-восточные племена, принимавшие участие в восстании сибирских татар, долгое время оставались независимыми от русских, на что указывает переписка сибирских

властей за 1667 г. Москве удалось подчинить их, лишь послав туда значительное военное подкрепление⁴⁷.

Трудно сказать, каковы были причины волнений 1662-1667 гг. Судя по всему, башкиры не ставили перед собой цель получить независимость. Речь шла о повседневных и весьма незначительных конфликтах между властями и русскими переселенцами с одной стороны, и башкирскими племенами – с другой. Эти конфликты в основном были вызваны обязанностью давать властям заложников, захватом переселенцев башкирами и т.д. Мир был восстановлен без больших жертв с обеих сторон. В 1676-1682 гг. беспорядки в тех же регионах возобновились, но, по-видимому, уже менее масштабно и с перерывами. К сожалению, у нас имеется лишь отрывочная информация об этом. Отдельные эпизоды, которые упомянуты в источниках, не позволяют восстановить целостную картину. Вот то немногое, что пока известно.

Восстанию предшествовали достаточно тревожные вести. В 1675 г. Казанский приказ получил сообщение, возможно, не совсем точное, что башкиры Сибирской дороги (Зауралье) добыли себе огнестрельное оружие, что ружья также имелись и у башкир Уфимского уезда, и что все башкиры учатся стрелять из ружей, а не из луков. Эта новость встревожила власти, поскольку население русских деревень Верхотурья имело мало ружей и свинца, и ожидало со дня на день нового появления вооруженных «воров» — башкир и татар. На следующий год юго-западные башкиры собрались на реке Кинель с намерением идти на Закамскую оборонительную линию; жители окрестных деревень убежали в лес, и Москва предписала населению Кунгурского уезда либо поступить так же, либо укрыться за городскими укреплениями. И хотя опасность миновала, но, по-видимому, новые отряды недовольных башкир продолжали формироваться на юго-западе края. Тархан Ишмухамет – весьма яркая личность и один из тех предводителей, которые заключили в

---

⁴⁷ Достаточно общее описание башкирского восстания 1662-1667 гг., изложенное в этом тексте, основывается на следующих источниках: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Т. IV. № 24; Полное собрание законов Российской империи. Т.I. № 327; Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.). СПб., 1888. № 29. С.58 и сл.; Дополнения к актам историческим. СПб., 1851. Т.IV. № 124; Т.V. № 49; Т.VI. № 67 (V); Т.IX. № 3; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1842. Т.V. № 123; СПб., 1842. Т.IV. №№ 175, 201; Вельяминов-Зернов В. Источники. С.35, 42 и сл.; Витевский В. Указ. соч. С.383 и сл. Укажем еще: Рычков П.И. История Оренбургская. С.9 и сл., где история восстания излагается, вероятно, со слов современников. Источники не подтверждают изложенного П.И.Рычковым, что впрочем не помешало другим авторам принять его на веру.

1664 г. мир с Андреем Волконским – в 1677 г. собрал племя табын, которое отказалось платить ясак и другие налоги. Преемник Волконского уфимский воевода Хитрово постарался еще раз разрядить конфликт путем переговоров. Мы не знаем их результат, но указания Хитрово сборщикам ясака, которым были поручены переговоры, позволяют выявить характер конфликта. Представители власти заявили, что деды, отцы и сами башкиры всегда платили ясак, налоги на дым и на женитьбу без всяких проблем. Поэтому сейчас, отказавшись от уплаты указанных налогов, башкиры поступают неправильно, забывая милость государя к ним и свои клятвы. Они должны вспомнить о своих обязательствах и немедленно возобновить выплату налогов, как это было раньше, не ожидая применения силы. Волнения 1675 г. у северо-восточных башкир, привели, без видимой их связи с юго-восточными башкирами, к крупному восстанию. В марте 1678 г. Москва уведомила воевод Чердыни и Тобольска о грозящей опасности нового нападения на Кунгур и на русские деревни в Западной Сибири: по сведениям Москвы, татары и башкиры региона запасались фуражом для лошадей, изготавливали луки и стрелы и имели много огнестрельного оружия. Севернее, на верхнем течении Лысьвы, весной 1679 г. было зафиксировано скопление пятисот башкир, угрожавших Чердыни.

В 1682 г. очаг беспорядков вновь переместился в юго-западную часть Башкирии, на Казанскую дорогу. Глава этого движения, некий Сеит, дошел до Закамской черты. В мае Москва произвела мобилизацию населения в приграничных уездах, а против повстанцев в Уфу послали значительный военный отряд. В ходе сражения восставших с правительственными войсками многие башкиры погибли, а Сеит был ранен. На переговорах, состоявшихся после битвы, башкиры принесли клятву верности и пообещали разойтись по домам. После разгрома своего первого объединения Сеит продолжил борьбу и попытался взбунтовать башкир Сибирской и Казанской дорог. Вероятно, ему удалось поднять некоторых из них, так как русские были вынуждены организовать вторую экспедицию, на этот раз в район верховьев Чусовой (один из притоков Камы), около 200 км к северо-востоку от Уфы.

Неизвестно, как было ликвидировано движение 1676-1682 гг. Важно лишь то, что существовавший ранее *status quo* был восстановлен и волнения возобновились лишь четверть века спустя⁴⁸.

---

⁴⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т.V. № № 6, 15, 19, 40, 44, 85, 87; Дополнения к актам историческим. Т.VII. № 71, 74 (V, VI); СПб., 1867. Т.X. № 25; П.И.Рычков и последующие историки никак не упоминают о беспорядках 1676-1682 гг. Чтобы показать, насколько

Движение 1705-1710 гг. во многом напоминает восстание 1662-1667 гг. и заканчивается, как и предыдущее, компромиссом между русскими властями и вождями башкирских племен. Его история может быть изложена лишь в общих чертах. Волнения начались в 1705 г. с отказа платить налоги и нападениями на деревни приграничных районов Казанского уезда. Шереметьев, один из крупных военачальников Петра Великого, находился в это время в Казани, спускаясь по Волге со своими войсками для подавления мятежа в Астрахани. Император приказал ему усмирить башкир, движение которых в разгар Северной войны и во время астраханских восстаний было весьма некстати. Шереметьев провел переговоры с одним из тарханов, который был под его началом во время шведской кампании и получил от него обещание, что башкиры всех дорог придут просить о прощении и продолжат платить налоги. Эти переговоры ни к чему не привели. Руководители восстания истолковали действия Шереметьева как доказательство слабости правительства и продолжили ожесточенное сопротивление. В 1706 г. башкиры силой помешали новому губернатору города занять этот пост. Казанский губернатор Кудрявцев, пришедший на помощь, увидел толпу из 400 башкир. Он объявил им, что отныне они освобождены от уплаты новых налогов, но должны продолжать платить ясак и предоставлять транспорт царским чиновникам. Башкирские вожди ответили категорическим отказом. Кудрявцев, который обвинил Шереметьева в том, что тот был слишком мягок с башкирами, тоже ничего не смог сделать и повстанческое движение продолжало развиваться. Оно казалось тем более опасным, что впервые после своего вхождения в состав России восставшие башкиры сгруппировались вокруг предводителя, претендовавшего на титул хана всей Башкирии. Мы ничего не знаем об этом человеке, за исключением того, что он известен в источниках как «царь Салтан». В ноябре 1707 г. Уфа послала русский полк и «верных башкир» под предводительством Кусюма, чтобы схватить претендента и разогнать его сторонников. Но во время стычки, происшедшей в нескольких километрах от Уфы, «верные башкиры» покинули русских и перешли на сторону повстанцев, возглавляемых Алдаром. Русские потерпели полное поражение и лишь с большим трудом их командиру удалось спастись. Повстанцы стали теперь хозяевами всей Башкирии. Уфа была отрезана от Казанского уезда. Башкиры жгли и грабили русские города и деревни на окраинах казанских земель. Движение,

---

«точно» «История Оренбургская», отметим, что Рычков считает Сеита главой движения 1662-1667 гг. (Рычков П.И. История Оренбургская. С.9 и сл.). В действительности же Сеит появляется лишь в движении 1676-1682 гг.

поддерживаемое мусульманским духовенством, угрожало также распространиться на татар и чувашей соседних районов. К концу января 1708 г. предводители повстанцев Алдар и Кусюм с несколькими тысячами вооруженных башкир и «царем Салтаном» стояли в 30 км от Казани. Присутствие хана свидетельствовало о новом явлении – отныне башкиры пытались создать собственное государство, независимое от русских. Отказавшись от русского подданства, «башкирцы Уфинского уезду батыри Алдарко, Кусумко, Уразайко и всех дорог башкирцы... начали мыслить к воровству тому.., чтоб им всем под рукою и под волею великого государя не быть». Впрочем, опасность ситуации заключалась не только в этом: башкиры могли повлиять на своих нерусских соседей.

Местные русские власти требовали принятия жестких мер, но Петр Великий, продолжая политику своих предшественников, предпочел переговоры и ограничился оборонительными мерами. Он сконцентрировал свободные войска в районе Казани и поставил во главе них князя Петра Хованского, одновременно рекомендуя ему договориться с повстанцами. Хованский начал восстанавливать порядок в Казанском уезде; татары и черемисы сложили оружие и пообещали платить ясак (март 1708 г.). Башкирию усмирить было труднее. Несмотря на военную помощь калмыков, Хованский не сразу смог положить конец восстанию. Часть племен принесла повинную, но остальные продолжали сопротивление. В начале 1709 г. у башкир появился новый хан, но он не смог установить свою власть во всем крае. Властям приходилось усмирять племена на очень обширной территории. 10 марта 1709 г. казанский губернатор Апраксин писал Петру Великому: «О тех башкирцах доношу тебе, государю: народ их проклятой многочисленной и военной, да безглавной, никаких над собою начал... принятца не за ково и чтоб особно послать не х кому».

Невозможно, да и нет необходимости подробно излагать здесь ход борьбы с повстанцами, описывать все карательные экспедиции и сражения, все переговоры, шедшие в 1709 и отчасти в 1710 г. Отметим только то, что теперь появился новый момент: нападения башкир на недавно построенные уральские заводы. Башкиры жгли их и уводили в плен приписных крестьян.

В 1710 г. на большей части территории края порядок был практически восстановлен, но русские нигде не были уверены в своем будущем. В 1711-1714 гг. власти планировали проведение в Башкирии широкомасштабной военной операции⁴⁹.

---

⁴⁹ О восстаниях 1705-1709 гг. мы имеем лишь несколько упоминаний в «Памятниках Сибирской истории XVIII века» (СПб., 1882. Т. I. №№ 80, 83, 85, 89) и

За исключением ханов, которые исчезали, не оставляя следов, волнения 1705-1710 гг. не внесли ничего нового в цели повстанцев: грабеж соседних русских деревень продолжался одновременно с борьбой против увеличения налогов и реквизиции транспортных средств. Восстание завершилось, как и прежде, восстановлением политического и налогового status quo. И все же восстания башкир не были бесполезными, поскольку они замедляли поглощение края русскими. Достаточно сказать, что крупная налоговая и военная реформа – введение подушной подати, которая, как мы видели, без проблем была осуществлена в Казанской губернии и полностью реализована в других частях России – остановилась у границ Башкирии⁵⁰. Петр Великий и его наместники в крае, пораженные событиями 1705-1710 гг., обдумывали изменение своей политики в Башкирии и даже планировали проведение активных действий, направленных на окончательное подчинение башкир. Однако их занятость другими делами не позволила реализовать все эти замыслы⁵¹. Башкирия в то время была чем-то вроде фискального Эльдorado; эмиграция в край нерусского населения с территории Казанской губернии, о чем мы уже говорили выше, усилилась именно в это время.

Преемники Петра Великого продолжали его осторожную политику. События в Башкирии, происшедшие в 1726-1728 гг., показали, в какой степени в Санкт-Петербурге стремились сохранить status quo. В первой половине XVII в. в степях Нижней Волги появляется новая народность монгольской расы – калмыки. Русским удалось установить хорошие отношения с ними, и те, частично признав верховную власть Московского государства, сохранили

некоторые сведения у С.М.Соловьева (Указ. соч. М., 1881. Т.XV. С.357-361, 203-207) и у В.Лебедева (Лебедев В. Указ. соч.). Информация Соловьева слишком кратка. Исследование Лебедева написано отвратительно, в нем отсутствует какая-либо хронологическая канва и оно нашпиговано марксистскими цитатами, которые автор приводит, совершенно не учитывая их контекст. Уровень работы В.Лебедева вызывает лишь сожаление, тем более что у него в руках были официальные документы того времени, которые он проигнорировал. Сведения Рычкова (Рычков П.И. История Оренбургская. С.9 и сл.) для исследователя малопригодны. Ср. изложение событий 1711-1714 гг. в «Описании дел Архива Морского Министерства с половины XVII до начала XIX столетия» (СПб., 1877. Т.I. С.496, 497, 522, 593; СПб., 1879. Т.II. С.26).

⁵⁰ Указ от 22 января 1719 г. и инструкция от 5 февраля 1722 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 3287; Т.VI. № 3901. Ср. указ от 4 июня 1722 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. № 4027. Инструкция от 16 декабря 1743 г. содержит еще эту статью: Полное собрание законов Российской империи. Т.XI. № 8836.

⁵¹ Описание дел Архива Морского Министерства с половины XVII до начала XIX столетия. Т.I. С.496, 497, 593; Т.II. С.26; СПб., 1882. Т.III. С.309, 310.

значительную автономию. Хотя российские власти получили помощь от калмыков во время беспорядков 1705-1710 гг., тем не менее они понимали, что они, будучи прекрасными воинами, были ненадежными и очень даже опасными соседями. В конце 1727 г. поступило сообщение о том, что в 1726-1727 гг. несколько предводителей юго-западных башкир договорились с находившимися по соседству с ними калмыками о совместном восстании и договорились напасть в 1728 г. на русские города и деревни. Аналогичные сведения поступали и с северо-востока Башкирии, но, вероятно, они не имели под собой оснований. Власти были серьезно встревожены этими новостями. Командующий царскими войсками в Прикамье генерал Чекин, штаб-квартира которого находилась в Старошешминске, смотрел на ситуацию без особого оптимизма. Главнокомандующий русскими войсками на юге страны князь Михаил Голицын писал, что генерал-лейтенант Чекин докладывал ему об опасности объединения башкир, калмыков, каракалпаков и киргиз-кайсаков; о том, что беззащитные селения окружены степями и те немногие укрепления, которые имеются, по вине прежних командиров находятся в запущенном состоянии, и край нельзя оборонять с помощью только трех полков.

Реакция центра на эти тревожные известия была в духе его традиционной политики. В декабре 1727 г. местным властям было поручено обратиться к племенным вождям и старшинам, повелев им хранить верность государю и одновременно предложить башкирам направить делегатов в Казань или Санкт-Петербург, чтобы изложить жалобы своих земляков, которые правительство обещало рассмотреть вне очереди. В феврале 1728 г. в Уфу экстренно был отправлен офицер с той же увещательной миссией.

В марте 1728 г. башкирская делегация из 32 человек во главе с Яркеем Янчуриным прибыла в Санкт-Петербург и была принята в Коллегии иностранных дел, куда башкиры подали прошение со своими просьбами. В какой-то мере эти требования походили на те, что выдвигались ранее: освобождение заложников, смягчение транспортных поборов, устранение злоупотреблений при сборе налогов. В жалобах появились и новые мотивы, касающиеся отношений с русскими переселенцами и другими народами, поселившимися в крае. Кроме того, башкирская делегация попросила перевести столицу края из Казани в Уфу и восстановить в должности бывшего уфимского губернатора Ивана Бахметьева. Верховный тайный совет долго рассматривал эти просьбы и в итоге разработал что-то вроде закона о башкирских свободах. Он датируется 31 июля 1728 года и гласит следующее: «Башкирцам всех дорог и волостей, батырам и старшинам и всем ясачным людям.

Указали Мы, по челобитью присланных от вас, выборных челобитчиков, башкирцов Яркея Янчурина с товарищи, в помянутую провинцию послать воеводу, нашего бригадира Петра Бутурлина и быть той провинции в особливом ведомстве нашего Сената и о всяких делах писать и требовать нашего указа от того Сената, а казанскому губернатору той провинции не ведать, и, будучи ему, бригадиру нашему, на Уфе воеводою, вам, башкирцам и прочим иноверцам никакого озлобления и обид и налог отнюдь никому никаких не чинить и нападками взятков ни с кого никакими мерами не брать, и подчиненных своих до того не допускать, и во всем поступать по данным вам от предков наших Великих Государей жалованным грамотам, а сверх положенного на вас, башкирцов, ясака никаких других подателей не спрашивать и тот ясак собирать по срокам, как было прежде обыкновенно, и для того сбора выбрать вам самим меж себя сборщиков, добрых и знающих людей, кому в том верите, и на тех людей брать у вас выборы за руками, а служилых людей для того в уезды к вам не посылать; а по прошествии срока, ежели которые сборщики на срок не заплатят, посылать только к тем выборным сборщикам и спрашивать на них. Суд и расправу чинить ему, нашему бригадиру и воеводе, между вами, башкирцами, так как прежде такие суды были чинены по прежним данным воеводским наказам в правду, не чиня никому ни малаго продолжения и волокиты. А когда выпожелаете для челобитья и всяких своих нужд ехать к Москве или в Сенат, тогда для проезду давать ему вам проезжая письма за своей рукою, а воспрещения в том вам не чинить. И понеже Мы, Наше Императорское Величество, милосердуя к вам, Всемилостивейше повелели ему, нашему бригадиру и воеводе, ото всяких обид и налог вас охранять и оберегать; того ради надлежит вам, видя такую нашу Императорского Величества к себе милость, служить нам верно, как деды и отцы ваши служили и положенной ясак платили и беглых русских, мордвы, чуваш и черемис и никаких народов людей, подданных Наших, не принимать и не держать; а которые из вышеобъявленных беглецы ныне есть, тех приводить на Уфу и отдавать означенному нашему бригадиру и воеводе немедленно».

Решение Верховного тайного совета от 22 июля 1728 г., на основе которого был составлен вышеприведенный документ, содержало еще один пункт (№ 8), касавшийся прежних волнений и который должен был стать предметом конфиденциального указа губернатору Бутурлину. В нем говорилось, что губернатору следует строго следить за тем, чтобы не было никаких восстаний против российского господства в Башкирии, а если планы их подготовки станут ему известны, он обязан сообщить об этом в Сенат и

Верховный тайный совет. Если все же башкиры соберутся или заключат союз с калмыками, каракалпаками или другими мусульманскими народами для нападения на русские города и уезды, губернатор немедленно обязан проинформировать об этом Верховный тайный совет и Сенат. Для приглашения на помощь военных губернатор должен обратиться к казанскому губернатору и командирам полков, и оповестить другие города. Об этом будет издан специальный указ, который он, губернатор, должен хранить в тайне.

Этот документ, принятый вскоре после волнений 1727 г., должен рассматриваться как кульминация политики *status quo* в Башкирии. Все требования нерусских влиятельных кругов были удовлетворены: русские признали за краем значительную автономию, установив для башкир умеренный размер ясака и несение некоторых других традиционных повинностей; башкиры, в свою очередь, обещали больше не восставать⁵².

Восстание 1735-1740 гг. и новая русская политика в Башкирии. Политика примирения, провозглашенная в 1728 г., не дала ожидаемых результатов. Новый кризис, более серьезный и более тяжелый, чем предыдущие, разразился через несколько лет. Восстание длилось с 1735 по 1740 г., и дорого обошлось башкирам.

Как и для всех башкирских восстаний XVII-XVIII вв., непосредственные причины его выяснить трудно. Не имея единого руководства, восстание началось в начале 1735 г. как на северо-востоке, так и на юго-западе края. Приграничные районы Казанской губернии подверглись нападениям, и некоторым очагам русской власти в Башкирии стала угрожать опасность. Восстание началось в то время, когда русские вступили в новый этап своего проникновения на Восток и распространили свое влияние на казахские орды далее южных границ Башкирии, чтобы открыть себе доступ к Центральной Азии. Реализация этого обширного проекта, который был разработан правительством императрицы Анны в 1734 г. по инициативе чиновника Сената Ивана Кирилова, должна была начаться со строительства на Верхнем Яике (нынешняя река Урал) крупного города, предназначенного стать плацдармом для продвижения русских в казахские степи. Первый гвоздь в этом направлении был вбит основанием в 1725 г. крепости на Сакмаре, северном притоке

---

⁵² См. о кризисе 1726-1728 гг.: Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1891. Т. 79. С.73-86; Там же. СПб., 1893. Т. 84. С.175-182; Соловьев С.М. Указ. соч. М., 1885. Т.ХІХ. С. 188; Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII. №№ 5316, 5318, 5438, 5473; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском Архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т.ІІ. С.131, 133. 147, 161.

Верхнего Яика⁵³. В 1734 г. речь шла уже о другом: через всю Башкирию с Уфой в качестве отправной точки должен был быть проложен путь к Верхнему Яику.

На Кирилова, как автора проекта, было возложено его исполнение. В ноябре 1734 г. он прибыл в Уфу во главе военного отряда, намереваясь немедленно отправить в далекий путь запланированную экспедицию. Столичный чиновник, он не знал особенностей края, куда прибыл служить, и полагал, что башкир было бы полезно включить в его команду для ее усиления. Еще накануне его выезда к берегам Яика пришло известие о начале восстания башкир на севере. Он отнесся к нему совершенно равнодушно и в марте 1735 г. сообщал в Санкт-Петербург, что не стоит придавать большое значение этому, что в крае царит спокойствие и что башкиры готовы поддержать его экспедицию. На деле же вышло наоборот. Экспедиция Кирилова встревожила юго-западные племена. Скрытое сопротивление проникновению русских, которое здесь никогда не прекращалось, вскоре переросло в восстание. Возглавляемые Кильмяк-абызом, старшиной соседнего с Уфой племени, юго-западные башкиры решили атаковать Кирилова во время его перехода через их земли. Не подозревая об этом, Кирилов, выезжая в апреле 1735 г. из Уфы на Верхний Яик, разделил свою команду на две части. Несколько тысяч башкир напали в июне на меньший отряд, и ему с трудом удалось объединиться с основными силами. Несмотря на это, Кирилов продолжил свой путь и 10 августа прибыл к месту слияния Яика с рекой Орь, где основал город Оренбург⁵⁴ и отправил донесение императрице, объявив о присоединении «Новой России», богатой рудой и минералами. Однако, охватившее Башкирию восстание не позволило ему окончательно устроиться на Верхнем Яике: он был вынужден повернуть назад, оставив в новом городе небольшой отряд. На обратном пути на него вновь напали восставшие, но смог их разбить и добраться до Уфы.

Одновременно повстанческое движение шло и на севере Башкирии. В июле-августе 1735 г. некоторые приграничные районы Казанской провинции подверглись новому нашествию башкир и были полностью разорены. Казанский губернатор был вынужден срочно мобилизовать тамошних русских крестьян на защиту от башкир.

---

⁵³ Об основании Сакмарска см. доклад Военной коллегии от 26 октября 1727 г. в: Сборник Русского Исторического общества. Т.69. С.621 и сл. Ниже мы еще расскажем о яицких казаках.

⁵⁴ Позже Оренбург перенесут в другое место, а город, который основал в устье реки Орь Кирилов, получит название Орск, сохранившееся до сегодняшнего дня: Полное собрание законов Российской империи. Т.Х. № 7876.

Лидеры движения действовали заодно с юго-западными повстанцами, что увеличивало опасность.

Русское правительство больше всего было встревожено опасностью, нависшей над Казанской провинцией. Под впечатлением этих событий Санкт-Петербург был готов отложить до более благоприятных времен исполнение честолюбивого плана Кирилова и даже послал ему приказ – к счастью, дошедший слишком поздно – отменить поход на Верхний Яик. 12 августа 1735 г. столица срочно отправила в Казань одного из своих лучших генералов – Александра Румянцева. Ему были переданы все здешние войска и Кирилов стал его подчиненным в вопросах усмирения Башкирии. Чтобы установить здесь мир, власти решили вернуться к старой практике уступок, и Румянцеву были даны соответствующие указания. Но под влиянием Кирилова победила более решительная позиция. Кирилов оставался убежденным сторонником того, что захват территории Верхнего Яика на юге Башкирии облегчит окончательное подчинение башкир, которые таким образом будут изолированы от внешнего мира. Еще не получив указаний из Санкт-Петербурга, он уже требовал решительных мер для подавления восстания и сам начал действовать. Его секретарь свидетельствует, что поднимаясь по Белой во время своего возвращения в Уфу, он сжег несколько деревень Ногайской дороги, в частности, вблизи Табынска, а собранный урожай пшеницы был перевезен в Табынск для снабжения войск. Это было лишь началом кровавого террора.

Под влиянием донесений Кирилова центр ужесточил свою политику. Новые инструкции для Румянцева, данные осенью и зимой 1735 г. (18 октября, 11 ноября, 14 декабря), предписывали ему схватить предводителей восстания, казнить наиболее активных из них, разорить восставшие деревни, и, наконец, конфисковать основное богатство повстанцев – их лошадей. В соответствии с новыми инструкциями Румянцев должен был следовать рекомендациям Кирилова, который, как считалось, прекрасно разбирался в здешней ситуации. На встрече Румянцева и Кирилова в Мензелинске в ноябре-декабре 1735 г. была разработана обширная программа, ознаменовавшая коренные изменения в российской политике. И хотя она не сразу была реализована полностью, тем не менее долгое время оказывала большое влияние на судьбы Башкирии. В программе отмечалось, что «причина нынешней дерзости башкирцев – это послабление их прежним своевольствам и воровствам, и потому впредь надобно: находящиеся здесь полки в надлежащее состояние привести; магазины наполнить провиантом, основать Оренбург и другие назначенные крепости; мещерякам за их верность и службу отдать в вечное и безоборочное владение те

земли, которые они нанимают у башкирцев; с тептярями и бобылями старыми поступать точно таким же образом; замешанным в воровстве запретить носить ружья и по домам иметь; в уезде кузнецов и кузниц не иметь, из городов кузнецов и насекальщиков в уезд не отпускать, пусть покупают все нужное в городах; пойманных в воровстве и в бунте и повинившихся казнить или в ссылку сослать, а не освобождать, а пущих заводчиков, хотя они и прощение получили, по причинам частных дел одного за другим забрать и жестокою казнью казнить; внутри башкирских земель построить городки; каждая волость должна иметь у себя выборных старшин, двух или трех, на которых можно было бы взыскать всякое преступление или неисправку, а теперь у них всяк большой, и указы пишут обще: тарханам, батырям и всем башкирцам; также запретить сборища делать. Так как есть явное подозрение на магометанское духовенство, то оставить по одному ахуну на дорогу, а взять с них присягу, чтоб о всяких дурных поступках объявляли и из других вер в свой закон не приводили, без указов мечетей и школ вновь не строили, и если ахун умрет, то нового определять правительству, смотря по верности, а не самим башкирцам ставить. Снять запрещение покупать у башкирцев земли и уголья, чтоб мешались с посторонними».

Принятая в Мензелинске программа была полностью одобрена в Санкт-Петербурге.

Во исполнение ее 11 февраля 1736 г. был издан сенатский указ, основные положения которого были следующими:

1. Было приказано «застарелых тептярей и бобылей, по примеру мещеряков, от башкирского послушания отрешить; и за претерпенное их разорение от воров башкирцев, оброков им платить не велеть и оставить их при одном прежнем ясачном платеже в казну; а которые приставали к ворами, с таких за вину, сняв башкирский оброк, брать сверх прежняго ясака хлебом, с сохи по четверухи ржи и по четверухи же овса»⁵⁵.

Сенат колебался, применять ли немедленно аналогичную меру к мещерякам, хотя это и предусматривалось мензелинской программой. Инструкция Кабинета Министров главе Башкирской комиссии Татищеву, датированная 17 марта 1738 г., предписывала: «Что надлежит до разобранья башкирцев с мещеряками, чувашею и прочими и в землях, то сие дело весьма деликатное, от котораго вновь впредь легко новые замешания произойти могут: того ради

---

⁵⁵ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском Архиве за XVIII век. Т.II. № 5382; Сборник Русского Исторического общества. Юрьев, 1902. Т.114. С.139.

надлежит вам об оных с довольным уважением о пристойных средствах стараться, чтоб мещеряки за их нынешнюю верность в прежнее башкирцам порабощение не пришли, а и башкирцы вовсе обижены не были; а по здешнему мнению кажется, что мещеряки могли бы довольно быть, ежели прежними своими землями впредь безоборочно владеть станут, а башкирцам остальные оставить; однако же понеже здесь о тамошнем дел состоянии совершенное известие не имеется: того ради оставляется сие больше на общее ваше тамошнее разсуждение»⁵⁶.

Татищев поддержал эти меры, и указ от 20 августа 1739 г., адресованный его преемнику, князю Василию Урусову, санкционировал освобождение мещеряков, приравняв их к тептярям и бобылям, и в то же время окончательно кодифицировал этот свод законов. Вот суть этого важного документа: «Таким мещерякам, татарам и чувашам, которые на башкирских воровских землях живут и прежде башкирцев оброки платили оными землями владеть им и оброков башкирцев не платить, о чем куда надлежит послать указы из уфимской и исецкой провинциальных канцелярий, которые же из них поселились и живут на землях верных и непристававших к воровству башкирцев тем оброки платить по-прежнему, буде же оных платить не похотят, то б шли и селились на пустых бунтовщичьих землях особыми деревнями, ибо у верных башкирцов на их земли право отнимать не сходно и было б несправедливо, то есть, чтоб верного с бунтовщиками сравнять...»⁵⁷.

2. Указ от 11 февраля 1736 г. запрещал иметь кузницы в степной части Башкирии, и всякий ввоз оружия: башкиры могли отныне покупать у городских кузнецов лишь сельскохозяйственные орудия.

3. Тот же указ вводил меры против мусульманского духовенства, ограничивая число ахунов в Башкирии четырьмя. Другой указ 1736 г., точная дата издания которого неизвестна, запрещает строительство новых мечетей и башкирских школ. Позже, в указе Сената от 20 февраля 1744 г. речь шла уже об их разрушении, но этот проект не был реализован.

4. Указ от 11 февраля 1736 г. отменил действовавший с XVII в. запрет на приобретение башкирских земель: отныне дворяне, офицеры, служащие, мещеряки, тептяри и бобыли могли покупать у башкир их земли и другие земельные угодья; в то же время башкирам было запрещено содержать в рабстве русских и иноверцев, как ясашных, так и свободных.

---

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. X. № 7542.

⁵⁷ Там же. № 7876, Т. XII. № 8875; Новиков В.А. Указ. соч. С.34.

5. Указ предусматривал замену бывших старшин племен новыми, избранными под контролем властей.

6. Наконец, указ предписывал исполнить пункт мензелинской программы, касающийся строительства крепостей в Башкирии. Первой здешней крепостью был Табынск, возведенный на реке Белой, вверх по течению от Уфы (указ Кирилову от 26 февраля 1736 г.); он стал началом целой линии укреплений на Оренбургской дороге, вдоль Верхнего Яика.

Наряду с этими перспективными целями мензелинская программа предусматривала более близкие задачи: башкирское восстание следовало подавить силой. Несмотря на оптимистические доклады Румянцева, в последние месяцы 1735 г. повстанческое движение не прекращалось, и поэтому программа сохраняла всю свою актуальность. Изложенные в ней методы подавления восстания выполнялись неукоснительно.

План кампании, разработанный Кириловым и Румянцевым на 1736 г., включал в себя множество отдельных операций. Первая была поручена Тевкелеву, татарину на русской службе и энергичному человеку, который в дальнейшем сыграл большую роль в организации российского проникновения в казахские степи. Он должен был, выехав из Бирска (город в низовьях Белой), выступить против башкир в Уральские горы и установить русский контроль в районе притоков Верхнего Яика. Тевкелев действовал стремительно и жестоко. Современник этих событий П.И.Рычков рассказал об одном эпизоде. Однажды Тевкелев со своими солдатами направлялся в ущелье Южного Урала, рядом с деревней, где местными жителями была приготовлена засада: «Башкиры, жители означенной деревни Сеянтюсь, уздав, что злое намерение явно учинилось, тотчас на противность отважились, учили было на бывших в квартирах их людей убивственно нападать, и несколько человек ножами поранили. Другие за ружья ухватились и бежать в лес вознамерились, чтоб ведомость подать бывшему на Аю воровскому их собранию, но потому тотчас по всей команде учинилась тревога, и все они, башкирцы, осаждены были командою, и по кратком супротивлении захвачены, близ тысячи человек с женами и с детьми их во оной деревне перестрелено, и от драгун штыками, а от верных башкирцев и мещеряков копьями переколото. Сверх того сто пять человек забраны были в один анбар. и тут огнем сожжены. Понеже все сие случилось ночью порою, и деревня вся зажжена была, то от великого их вопля и от оружейной стрельбы, самое ужасное тогда было позорище. Причем всего удивительнее, что многие из тех воров, будучи в огне, имевшиеся в анбаре копья со многими хульными и с бранными словами на стоящих тут драгун

выбрасывали и несколько тем поранили. И таким образом все оной деревни Сеянтюсь жители с их женами и с детьми от мала до велика чрез одну ночь огнем и оружием погублены, а жилище их в пепел обращено».

Весной и летом 1736 г. Тевкелеву удалось закрепиться на востоке Башкирии. При помощи войск, прибывших из Сибири, он действовал с крайней жестокостью. Говоря словами официального доклада, «башкирский народ в такое уже состояние приведен, что с начала их подданства никогда таковы послушны не были и никогда ж страху за свои злодейства не видали, как ныне есть».

На западе края продолжались какрательные операции. Румянцев, руководивший ими вместе со своей штаб-квартирой в Мензелинске, начал с того, что дошел до Камы в Сарапуле, и затем двинулся в направлении Демы (приток Белой) – центра прошлогоднего восстания. Башкиры не смогли оказать ему активного сопротивления. Румянцев подражал Тевкелеву, оставив за собой более 200 сожженных за лето деревень, сотни казненных или погибших в борьбе башкир. Поражение башкир у Сакмарска полностью открыло дорогу на Верхний Яик.

Тем не менее, край был таким огромным, что сил, которыми располагал Румянцев, оказалось недостаточно. Летом 1736 г. восставшие еще удерживали территории на правом берегу Белой, в устье и у истока Уфы, а также в некоторых приграничных районах Камы. Под командованием Кильмяк-абыза они продолжали бороться, иногда успешно. 13 августа 1736 г. Кирилов писал докладывал: «Об искоренении воров-башкирцев старание прилагаю, и многое число главных плутов уже в разных местах пропало, а прочие бегами живот свой спасают; и хотя в июне и в июле воровским обычаем наглости от них были и еще, может быть, произойдут в таких местах, где оплошных найдут, однако к тому пришли, что сей бунт подлинно последним останется, и уже Сибирская дорога вся и по Нагайской многие в совершенное подданство приведены, и остальные, если будут продолжать воровство, с голоду и холоду зимою пропадать станут: лошади и скот во многих местах выпали, и теперь еще падеж не утих».

По крайней мере в отношении ближайшего будущего Кирилов оказался прав.

1737 г. прошел относительно спокойно. В феврале в плен попал один из повстанческих вождей – Кильмяк-абыз. Восставшие, отступив вглубь края, едва сопротивлялись. Соймонов, который сменил Румянцева, переведенного в другое место службы, ограничился летней карательной экспедицией в район Табынска. Там он столкнулся лишь со слабым сопротивлением. На севере башкиры

пытались проникнуть продвинуться в район Кунгура и Осы, но были легко отбиты. Методы, применявшиеся русскими в ходе всех этих операций, были прежними. Мы не знаем подробностей, но имеется красноречивый документ – опись донесений, поступивших в Кабинет Министров (25 октября 1737 г.): здесь упомянуты рапорт генерал-майора Соймонова с походным дневником, который он вел по отбытии из Мензелинска, таблица с указанием числа убитых и казненных бунтовщиков, а также количества деревень, домов, урожая зерна и сена, которое было сожжено, численность голов конфискованного скота.

Еще одно наказание, введенное в 1735 г. – конфискация лошадей у восставших – применялось неукоснительно и сильно подрывало экономику башкир, основанную главным образом на коневодстве.

24 апреля 1737 г. Кирилов скончался. Не стало крупного деятеля, но его дело продолжало жить. Преемник Кирилова Василий Татищев, тоже выдающийся человек, до этого являвшийся главой уральских горных заводов, имел большой опыт в башкирских делах. Он продолжил дело Кирилова. Тогда ситуация казалась настолько благополучной, что по инициативе Татищева центр прибег к мере, не предусмотренной в мензелинской программе – взял некоторое число башкир на службу в русскую армию. При этом речь шла не о создании класса новых тарханов, малочисленного и призванного служить властям на местах, а о более демократичном и широком шаге. Грамота, адресованная 5 января 1737 г. старшинам Казанской дороги и всем башкирам, призвала под русские знамена для участия в войне против Турции 3000 человек в качестве «доброхотных», обещая им прощение прежних «противностей». Кирилов, вероятно, был против этой меры, предвидя трудности на пути ее осуществления, но после его смерти Татищеву удалось провести мобилизацию, и башкиры впервые появились в русской армии. 10 июля 1742 г. указом оренбургского губернатора Неплюева башкирам была также поручена военная защита линии укреплений, построенных на южных границах края.

Описывая в декабре 1737 г. ситуацию, Соймонов доносил в Кабинет Министров, что башкиры Казанской и Ногайской дорог были полностью усмирены, за исключением тех, кто скрылся в горах. В действительности же, силы повстанцев, несмотря на урон, нанесенный суровыми репрессиями, не были подорваны. Волнения продолжались в 1738-1739 гг. как на севере, так и на юге Башкирии. В августе повстанцы напали на Ревдинский завод, принадлежавший Демидовым. Район Табынска на Белой опять оказался в руках бунтовщиков, и Соймонов был вынужден опять отбивать его в июле-

августе 1738 г. Вскоре пришла весть о сговоре между некоторыми башкирскими племенами и казахами. Последние проникли в край, и их с трудом удалось изгнать. В Санкт-Петербурге были недовольны ситуацией в регионе, и Татищеву, который в начале 1739 г. прибыл в столицу, пришлось держать за это ответ: его задержали и отдали под суд. 17 июня 1739 г. на смену ему был назначен князь Василий Урусов.

Между тем, волнения в крае продолжались, хотя и не так сильно, чем раньше. Поэтому в мае 1739 г. Соймонов вынужден был в третий раз возобновить свою летнюю экспедицию в центральный и западный районы (Табынск). Центр требовал решительных действий, и одновременно принял ряд законодательных актов, дополнявших мензелинскую программу и указ от 11 февраля 1736 г. Так, инструкции Кабинета Министров, данные 20 августа 1739 г. Урусову, кроме освобождения мещеряков, о котором уже шла речь, реформировали управление башкирскими племенами, сделав его более эффективным для российских властей. Вот основные положения этого документа: «8. ...а впредь, для лучшаго в сей Башкирии покоя и добраго между башкирцами порядка выбрать в каждой волости по одному старшине и по несколько есаулов, писарей и сотников; а в которых волостях старшинам и при них по скольку есаулов, писарей и сотников быть надлежит и кого именно в старшины, по рассмотрению вашему, потребно определить, о том учинить вам росписание и для апробации прислать в Кабинет Наш и ожидать Нашего указа, а до того времени их не определять. 9. О должностях оных старшин, есаулов, писарей и сотников, что им отправлять поручено будет, представить вам свое мнение, по чему тогда и определение учинено быть имеет; а тарханов, которые бунтовали и сообщниками бунтовщикам были, тех всех за их противности отрешить и впредь таких тарханов, без особых Наших указов, не выбирать и не определять».

Донесения, отправленные в Санкт-Петербург в конце 1739 – начале 1740 г. Соймоновым и Урусовым о положении в Башкирии, отличались оптимизмом. Однако надвигался новый кризис. По форме он походил на события 1706 г.: в марте 1740 г. на юге края появился загадочный Султан-Гирей, претендовавший на титул хана Башкирии. Предводители прежних движений были ранее один за другим схвачены русскими; претендент – башкир из племени юрматы на средней Белой, именовавший себя Карасакал – на несколько месяцев сумел собрать вокруг себя остатки повстанцев. Но реакция властей была быстрой. Вот что мы читаем в инструкциях, данных Урусову 9 августа 1740 г.: «Учиненное вами обще с штаб-офицерами июня 9 дня о искоренении бунтующих воров башкирцов и о

приходящих с повинною определение, с которого от вас прислана копия, апробуется, по которому вы и поступать имеете, и сверх того стараться вам изыскивать других удобных к тому способов, через которые б возможно было, не допуская до дальнейшего к такому злу расширения, всех тех воров конечно искоренить и все воровские их поступки к спокойствию привести, еже все чинить вам, как прежними указами повелено и по своем благоизобретению, усматривая по их воровским обращениям, ибо отсюда обо всем подробно и точно в резолюцию предписать вам невозможно; токмо при том вам крепко подтверждается, что все конечно стараться нынешним удобным временем тамошнее замешание основательно упокоить и бунтующих воров, как возможно, искать и искоренить, ибо ежели по недавно опубликованным указам и по действительном вступлении с войском Нашим в их жилище, еще с каким упущением времени и ожидая либо их повиновения поступлено будет, то сие только тем вора́м в потачку, а удобное к действиям время проходить может, и тогда уже не токмо нынешний поход вам с войском без надлежащей пользы втуне обратится, но и тем вора́м к новому усилению напрасно время дастся».

Летом 1740 г. два отряда, один под предводительством самого Урусова, второй, возглавляемый Соймоновым, вторглись в Башкирию. Первый отряд направился к Сакмарску, второй пошел на север, к предгорьям Верхнего Яика. Карасакал обратился в бегство и исчез среди соседних казахских племен. Лишенные своего предводителя и напуганные появлением русских войск в районах, до сих пор недоступных для последних, повстанцы сдались. Это явилось концом движения, длившегося 5 лет.

Башкиры были подвергнуты жестоким наказаниям. Современник тех событий П.И.Рычков так описывает экзекуции, к которым Урусов приступил осенью 1740 г. в Оренбурге и Сакмарске: «...Одиннадцать человек, и в том числе помянутого Карасакала семь есаулов за ребра, восемьдесят пять человек за шею повешены, двадцать одному человеку отсечены головы и воткнуты на колья, в том числе и самого главнейшего возмутителя башкирского Аландзи Айгула, который частопомянутого Карасакала вымыслил, голова отсечена у мертвого, ибо он, как везли его под караулом в Оренбург, сам себя умертвил тем, что не пил, не ел более десяти дней, а прочим оставшим злодеям экзекуция была 17 сентября, по прибытии его, генерал-лейтенанта в Сакмарск, где ста двадцати человекам отсечены головы, пятьдесят человек повешено да триста один человек наказаны отрезанием носов и ушей...».

Ранее, 27 июля 1740 г., Урусов собрал в Оренбурге башкир, прибывших сюда для того, чтобы получить помилование, и обратился

к ним с весьма изысканной речью, – ее автором, видимо, был будущий историк и географ губернии, а в то время секретарь оренбургской администрации П.Рычков. Это выступление стало ярким изложением тогдашней российской имперской доктрины. Урусов упрекал предводителей башкирских племен в разорении своего народа безрассудными делами. Край обязан своим счастьем российским монархам. До завоевания он разорялся ногайцами и казанскими и сибирскими татарами, которые брали неимоверно большие налоги. Российские монархи у него потребовали лишь очень скромный ясак, основали Уфу в центре края, чтобы облегчить его выплату, провозгласили право башкир на свои земли, признали за многими из них титул тархана, разрешили приход тептярей, которые способствовали процветанию Башкирии и платили башкирам арендную плату. Башкирия обогатилась и стала процветающей. Российские монархи имели право ожидать, что их благодеяния будут компенсированы полной лояльностью народа, поднявшегося до состояния процветания и богатства, которых он никогда раньше не знал. Однако башкиры взамен отплатили рядом воровских восстаний, но даже тогда российские монархи им выказали свою снисходительность: вместо того, чтобы истребить башкирский народ, они простили ему его ошибки. В итоге Урусов приглашал своих слушателей поразмыслить над совершенными преступлениями и решить, могут ли башкиры быть достойны прощения.

Мы не знаем, как восприняли башкиры этот образец чиновничьего красноречия. Ясно лишь, что край был обескровлен потерями, вызванными пятилетней борьбой и ужасными репрессиями. Упомянутый Рычков составил их впечатляющую статистику за 1735-1740 гг.: 16634 казненных, 3236 высланных; 12283 лошади, конфискованных в качестве штрафа, 6076 убитых лошадей, 696 разрушенных деревень⁵⁸.

---

⁵⁸ О кризисной ситуации 1735-1740 гг. см.: Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. №№ 6831, 6860, 6887, 6972; Т.X. №№ 7149, 7278, 7251, 7318, 7542, 7662, 7798, 7876, 7977; Т.XI. №№ 8124, 8200, 8346; Т.XII. № 8875; Сборник Русского Исторического общества. Т.108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146 (я не могу сослаться на конкретные страницы: протоколы Кабинета Министров просто изобилуют данными, иногда слишком поверхностными, а иногда ценными). Соловьев С.М. Указ. соч. Т.XX. С.315 и сл., 403 (сведения, извлеченные из источников, очень важных, но, к сожалению, слишком неполных); Рычков П.И. История Оренбургская. С.3 и сл., 99 и сл., 195 и сл., 291 и сл., 380 и сл., 415, 425-427, 483 и сл.; Попов Н. В.Н.Татищев и его время. М., 1861. С. 177 и сл. О Рычкове см.: Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867; Рычков П.И. Записки // Русский Архив. 1905. Кн. III.

Но эти цифры – не единственный результат грандиозного кризиса 1735-1740 гг. Его следствием стали мензелинская программа и меры, предпринятые по ее реализации. Россия впервые активно вмешалась в административную и социальную организацию Башкирии; до сих пор она лишь собирала с башкир небольшой ясак и не вмешивалась в их жизнь. Активизация России привнесла совершенно новые моменты в ситуацию. Подведем итоги произошедшим изменениям.

Прежде всего отметим, что в ходе кризиса 1735-1740 гг. правительство впервые создало на местах политический слой своих сторонников. За неимением русских, всегда малочисленных, пришлось опереться на мещеряков, тептярей и бобылей, т.е. нерусских выходцев из Казанской губернии. Законы 1736 и 1739 гг., о которых мы уже говорили, освободили их от всякой зависимости по отношению к башкирам и предоставили им в полное распоряжение земли, которые они до этого арендовали. Пришлось оставить население оставалось подчиненным непосредственно русским властям, которые в 1747 г. ввели для него налог, аналогичный налогу для крестьян империи – 80 коп. с души в год⁵⁹. Тем не менее, переселенцы были, как и башкиры, освобождены от бесплатного предоставления средств транспорта.

Затем правительство установило свой контроль над вождями племен. Мы уже знаем текст документа от 20 августа 1739 г., который, исполняя положения мензелинской программы и указа от 11 февраля 1736 г., добился этого результата. Назначение новых племенных старшин отныне осуществляла центральная власть. Проводить эту реформу выпало на долю оренбургского военного губернатора Неплюева, который управлял Башкирией с 1742 г. Он устранил тех, чье поведение в ходе волнений не отличалось лояльностью, и ввел строгий контроль над новыми назначениями. Башкирские старшины были подчинены уфимскому военному губернатору и им в 1745 г. были даны инструкции, некоторые статьи которых приведены ниже:

---

⁵⁹ Документ, датированный 1747 г. и вводящий подушную подать в размере 80 коп., отсутствует в «Полном собрании законов Российской империи», но о нем упоминается в опубликованных там трех указах финансового характера; они касаются содержания Оренбургского и Уфимского полков и изданы в то же время (13 октября 1747 г., 2 декабря 1747 г., 13 февраля 1748 г.): Полное собрание законов Российской империи. Т. XII. №№ 9447, 9455, 9484; Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.130, 132, 134; Витевский В. Указ. соч. С.404, 425 и сл. Ср. указ от 2 ноября 1756 г. о призыве: Полное собрание законов Российской империи. Т. XIV. № 10613.

«1. Не токмо самому тебе быть верным, но и за всеми подчиненными тебе накрепко смотреть: ибо ежели что пренебрегут, то равно или вяще, как те противники, истязаны будут.

2. По указам Ея Императорского Величества, исполнение не токмо самим точное и без замедления чинить; но как тобою и через сотников всех подчиненных твоих к тому исправно исполнять и принуждать, а буде кто из подчиненных учинится ослушен, таковых штрафовать тебе позволительными штрафами, яко то: арестом или плетью и, оштрафовав, отрепортовать сюда, в Уфу, кто штрафован и за что именно, тако уже отговорке места не будет, что тебя не слушают; следственно, в таком неисправлении ты ответствен и штрафован будешь...

5. Каждый месяц в Уфимскую провинциальную канцелярию каждому старшине о своей волости репортовать».

Очень строгий контроль осуществлялся также над ахунами (муллами)⁶⁰.

Меры, принятые по отношению к руководителям племен, пошатнули положение старой аристократии – тарханов. Русские видели в них основных инициаторов восстания. В 1740 г. Урусов завил: «...Которые от возмутителей ваших хотя про оныя высочайшия и чрезвычайныя милости несколько известны были, но они, вместо того, чтобы прославить государей своих и верныя службы оказывать, паче тщались. Чтобы подлым людям на-толковывать, аки бы то, боясь вас. Делается и тем всегда глупых и безрасудных людей возмущали, а о себе всегда вы мнили, аки б между всеми российскими подданными вы знатнейшие и, как я здесь слышал, старинными господами себя называли».

В 1739 г. правительство предписало сместить всех тарханов, принимавших участие в восстании, и не назначать новых без специального на то распоряжения. Последующие события не позволили реализовать эти меры. В дальнейшем от них отказались по совету Неплюева, который утверждал, может быть обоснованно, что простой народ также несет ответственность за восстание. Таким образом, восстание 1735-1740 гг. ликвидировало господство бывшей башкирской аристократии. После восстания тарханы не являются более «господами» и «князьями», каковыми были прежде⁶¹.

Особо следует отметить, что кризис 1735-1740 гг. заставил правительство отказаться от запрета продажи башкирских земель, существовавшего с XVII в. Мы видели, что мензелинская программа

---

⁶⁰ Витевский В. Указ. соч. С.410 и сл., 417 и сл.

⁶¹ Рычков П.И. История Оренбургская. С.415; Витевский В. Указ. соч. С.412.

рекомендовала эту меру, реализованную в 1736 г. В результате Башкирия стала открыта для русской колонизации. Позже мы рассмотрим, когда и как эта колонизация проходила и насколько радикально она изменила облик края.

В ходе кризиса 1735-1740 гг. башкиры подверглись тяжелейшим испытаниям, их людские и материальные потери были огромными. Но тем не менее, традиционные основы существования этого народа сохранились. Башкиры продолжали жить племенами, владели огромными и богатыми землями, почти не обрабатывали их и платили умеренный ясак, который, впрочем, вскоре был заменен новым налогом, столь же легким. Российское государство в XVII-XVIII вв. получало большую прибыль от монополии на соль. В качестве примера возьмем данные бюджета 1788 г.: в округленных цифрах из 46 млн руб. общего дохода 11 млн, т.е. почти 1/4, приходилось на продажу соли. Но башкиры всегда сами добывали соль на илецких солончаках в восточной Башкирии, ничего при этом не платя государству. Глава монополии, Контора соляных дел, озабоченная этой ситуацией, в 1753 г. подняла вопрос о соли в Сенате; последний поручил Неплюеву выяснить, можно ли заменить ясак для местных народов обязанностью покупать соль у государства (указ от 7 мая 1753 г.). Неплюев дал положительный ответ, отметив, что ясак приносил лишь 4392 руб. 62 2/4 коп. в год и что башкиры не были против его замены покупкой соли. Сенатский указ от 16 марта 1753 г. объявил, что башкиры и мещеряки отныне освобождаются от уплаты ясака взамен на покупку соли у государства⁶². Полагаю, что не стоит преувеличивать значение этого акта.

Башкирия в конце XVIII в. Несмотря на жестокие репрессии 1735-1740 гг. и реформы, проведенные русскими во время и после этого кризиса, в Башкирии тлело недовольство. Коренное население еще дважды восставало в XVIII в.: в 1755 и в 1773-1774 гг. Оба этих восстания были не столь масштабными, как в 1735-1740 гг. Первое из них было лишь попыткой волнения, а второе – частью чисто русского бунта, каковым явилось восстание Пугачева.

Движение 1755 г., в отличие от других башкирских восстаний, начал и возглавил один руководитель, обладавший яркими качествами, хотя известно о нем самом мало. Его имя было Абдулла Мязгялдин; русские называли его просто Батырша (уменьшительное от «батыр» 'начальник'). Он был мещеряком (татаринном), семья которого поселилась в Башкирии, и влиятельным муллою. Мусульманский фанатик, он ненавидел русских и ходил по Башкирии,

---

⁶² Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. № 10097; Т. XIV. № 10198.

призывая к освободительной войне против неверных. Свою программу он изложил в своеобразном манифесте, написанном, очевидно, в 1754 г., и попавшим в руки русских. Никогда еще чаяния башкир и их протесты против господства России не были изложены так ясно и красноречиво.

Причины недовольства были таковы: «...Божию повелению повинуйтесь, от которого попрося помощи и положи на него надежду нашу и упование и представя ему ходатая себе избранного пророка нашего Мухаммета, оных неверных россиан раззорять начнем те и их с земли своей изженем и сгубили те и в жилищах своих мечети и училищи построим и правя наша веры ко укреплению попечемся...».

А вот что требовал Батырша: «Всем вам верным и исповедующим единого Бога предлагаю советую... с неверными россианами в согласии не быть, правоверных не разорять и кровь их не проливать, имения не грабить и самим в слуги и в плен не имать и им, неверным россианам, головами вашими иимением во всякой службе, то есть на службе в лопатничьей работе не быть и им, неверным, городов не строить и не утверждать и их от жила до жила и от города до города на подводах ваших не возить, ясака и фуражу не давать и на землях и водах, искони дедам и отцами вашими владеющих, им, неверным, города, крепости и заводы строить воли не давать...».

К традиционным жалобам добавилась теперь новая: на замену ясака соляной монополией. Была ли благом отмена ясака? Автор манифеста, вероятно, колеблется в своей оценке, но пытается убедить своих читателей, что они вновь стали жертвами русского произвола: «...Как то в прошлом году они, неверные, ... старались единым токмо оплошных верных нашим обманом, то есть с башкирцов и мещеряков сложением ясака... чтоб уфимского уезду всех четырех дорог народ то почем к себе за милость государеву и служил... Алчет их, неверных, тело есть и жаждет их кровь пить... Ис казны божией получаемую из гор и озер соль брать воспретили, а ис казны своей покупать принудили, и насильно издревле за вотчинные земли платимой ясак платежами оставили».

Революционная программа Абдуллы Мязгялдина имела определенный успех. В мае 1755 г. начались волнения в одном из племен Верхнего Яика, которые вскоре охватили окрестные племена. Тем не менее, несмотря на опасения русских властей, северные и западные племена, а также тептяри и мещеряки остались верными правительству. Неплюев, губернатор края с 1742 г., действовал энергично. Русские войска вновь вторглись в Башкирию, имея приказ не щадить ни деревень, ни жителей, ни мужчин, ни женщин, ни детей. У населения Верхнего Яика еще слишком свежа была в памяти

ужасная расправа 1740 г., чтобы они могли теперь оказывать сопротивление. Башкиры предпочли бежать. Многие тысячи семей перешли южную границу, чтобы укрыться у казахов. 1 сентября 1755 г. своим указом правительство пообещало беглецам амнистию в случае их добровольного возвращения, и мало-помалу башкиры, не погибшие во время массового бегства, и не обращенные в рабство казахами, вернулись в свои деревни. Абдулла Мязгялдин скрылся на севере страны. В 1756 г. его схватили мещеряки и выдали властям. Привезенный в Санкт-Петербург и помещенный в Шлиссельбургскую крепость, он позже погиб во время попытки к бегству.

Участие башкир в восстании Пугачева 1773-1774 гг. интересно в другом плане. Впервые со времени своего вхождения в состав России башкиры застали центральную власть в состоянии тяжелейшего внутреннего кризиса, и все это в непосредственной близости от них. Подобная ситуация повторится лишь в 1918 г. Правителям России угрожали российские же главари восстания, и башкирам пришлось выбирать, чью сторону принять. Было возможно два варианта: либо перейти на сторону одного из этих лагерей, либо, воспользовавшись гражданской войной, добиваться самостоятельности. Отсутствие единого руководителя помешало им сделать этот выбор. Некоторые племена или отдельные их части то вставали на сторону законной власти, то на сторону так называемого «императора Петра Федоровича» – Пугачева, талантливого и энергичного, но неграмотного казака; другие племена пытались достичь своих собственных целей, не выходящих за рамки простой ненависти к русским и желания разрушать и грабить: на этот раз не было Абдуллы Мязгялдина, чтобы сформулировать национальную идею. Под влиянием этих факторов позиция башкир в восстании Пугачева страдала отсутствием единства и четкости.

Движение Пугачева началось на Яике, и яицкие казаки составили его основу. Таким образом, первоначально оно было чисто русским. Но к осени 1773 г. повстанческие шайки подошли к южным границам Башкирии. По совету яицких казаков, хорошо знавших этот край, Пугачев сделал все возможное, чтобы привлечь башкир на свою сторону. Он применил те же методы, что обеспечили ему успех у русских: попытался выдать себя за «императора» и призвал башкир поддержать своего «законного» монарха. Царские военачальники, испытывающие дефицит солдат, поступали так же, стремясь получить поддержку от башкир. Вначале пропаганда Пугачева не имела никакого успеха, но и приказу о мобилизации, отданному царскими властями, башкиры не подчинялись.

В сентябре 1773 г. 500 башкир, посланных против крупного отряда повстанцев, перешли на их сторону в районе среднего

течения Белой. В ноябре несколько севернее другая группа из тысячи человек поступила аналогично. Тем не менее, большинство племен осталось пассивными, по крайней мере в районах, не занятых повстанцами.

В конце 1773 – начале 1774 г. башкирское движение усилилось на Верхнем Яике и в районах, соседствующих с Южным Уралом. Волна политической и социальной анархии, поднятая Пугачевым, захватила башкир и все население этого региона. Один из русских генералов, Павел Потемкин, писал своему двоюродному брату графу Потемкину 12 июня 1774 г., что здешний «народ... предан по большей части злодеям...». Если Пугачеву и не удалось привлечь многих башкир в свои войска, то его появление дало племенам, недавно усмиренным, сигнал к грабежу и разрушениям. Они уничтожали крепости, захватывали русские деревни и сжигали горные заводы. Башкирские войска, которым Неплюев в 1742 г. поручил охрану Яицкой укрепленной линии, приняли активное участие в этих беспорядках. В «Увещании», адресованном 4 апреля 1774 г. комендантом Верхояицкой крепости к башкирам региона и хорошо характеризующем умонастроения среди коренного населения, отмечалось, что их охватило безумие, башкиры ждут вора и самозванца Емельку, простого казака подлого происхождения, осмелившегося принять имя царя Петра, который, придя от Оренбурга со значительными силами, обещал предоставить им большие милости. Комендант также писал, что башкиры живут, аки звери в полях. Длительное время российские власти, временно устраненные из этих регионов шайками Пугачева, ничего не могли предпринять, чтобы положить конец этому. Заводовладельцы не имели других средств одолеть башкир, кроме призыва к сотрудничеству, обращенного к Пугачеву, – призыва, который, конечно же, остался без ответа.

Но после поражения Пугачева и появления русских властей башкиры Верхнего Яика вернулись к порядку так же естественно, как и поддержали самозванца. Власти потребовали от старшин, которых они контролировали со времен реформы Неплюева, чтобы те заставили свои племена принести повинную и в сентябре 1774 г. один из генералов (Павел Потемкин) заявил военному губернатору Сибири Чичерину: «Башкирия также утихает и старшины не перестают являться с повиновением. Вступление же стекающихся сюда войск и команд господина генерала графа Панина ускорит возстановление совершенно тишины и спокойствия всего здешнего края, несказанныя бедствия претерпевшего».

В это время осталось лишь несколько отрядов во главе с Юлаем и его сыном Салаватом, которые не сложили оружия. Эти два

главаря были схвачены в ноябре 1774 г. Суворовым, и восстание закончилось. Итоговый доклад Петра Панина, которому Екатерина II поручила подавлять пугачевское движение, констатировал: «3). Башкирский народ возвращен в прежнее скипетру вашего Величества подданическое повиновение. 4). Все без изъятия главные предводители бунтовщичьих шаек, как российские, так и башкирские большею частью, да и сам самозванец доставлены живыми к монаршему правосудию, а затем оставшиеся из них восприяли или казнь или пали под правосудным военным мечем Вашего Императорского Величества на местах злодеяния их»⁶³.

После окончания восстания были разработаны меры по пресечению в дальнейшем всяких беспорядков, но реально в царствование Екатерины II не было предпринято ничего существенного.

---

⁶³ Я не стану описывать здесь общую историю пугачевского восстания, о котором я уже говорил. Использованные мною фактические данные и документы, касающиеся участия башкир в Пугачевщине, взяты из следующих работ: Грот Я.К. Труды. СПб., 1901. Т.IV. С.466-673 (см. особенно письма Кара и Бибикова); Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т.II. С.111; Сборник Императорского Русского Исторического общества. СПб., 1871. Т. 6. С.74-218; Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевщина в Сибири. М., 1898; Пугачевщина. Л., 1926-1931. Т.I-III; Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т.I. С.437-458; Юдин П.Л. К истории Пугачевщины // Русский Архив. 1896. Кн.II. С.5-46, 161-184.

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ ИМПЕРИИ

Глава VII

Промышленное освоение Урала

Происхождение горнозаводской промышленности Урала. Обширная территория Перми Великой, русских поселений Западной Сибири и башкирских земель скрывала в своих недрах сокровища, о ценности которых долгое время не было известно и которые, конечно, не влияли на продвижение русских на восток. Эти сокровища – огромные запасы полезных ископаемых в Уральских горах. Их начали добывать лишь на рубеже XVII – XVIII в. Вскоре экономические и политические последствия этого оказали огромное воздействие на развитие этого региона и его население. Таким образом, без учета разработки Россией уральских рудников история этой окраины империи будет не полной.

С момента своего появления на средней и верхней Каме русские начали вести разведку металлов, в основном, меди, необходимой для чеканки монеты. Вероятно, эти месторождения русским указали местные кустари, которые издавна имели здесь мелкое литейное дело. Первая грамота, выданная Строгановым в 1558 г., гласила: «А где будет найдет руду серебряную или медяную или оловянную, и Григорью (Строганову. – *Б.Н.*) тот час о тех рудах отписывати к нашим казначеям...»¹.

Естественно, что Строгановы не нашли на Урале серебра и свинца; они легко могли бы обнаружить здесь медь, но она, по всей видимости, их почти не интересовала. Строгановых больше привлекала разработка соляных копей. Поэтому инициатором добычи меди стало государство. В царствование Михаила Романова возле Соли Камской была построена первая медеплавильня, позднее перенесенная на земли Пыскорского монастыря (Среднее Прикамье). В одном из документов по истории горной промышленности Урала, об этом говорится: «В прошлом во 143 (1635) году по Нашему Государскому Указу посыланы с Москвы к Соликамской для Нашего рудознатцаго дела гость Надея Светешников, да подьячей Илья Кирилов, да с ними послан иноземец рудознатец немчин Арист Петцольт с иными с мастеровыми с рускими и немецкими людьми. И приехав они к Соликамской иноземец Арист прежняго мельничнаго заводу, где было быть Нашему медному делу у Григоровы горы, досматривал и сказал, что то место на мельницу негодно потому, что тут в речке вода мала. И ... для прииску к мельничному заводу ездили, и приискали под мельницу место, у того у Пыскорскаго монастыря их монастырское, на речке на Камкарке, на той же горной стороне от Григоровой горы вниз по Каме реке 25 верст. И на той речке на Камкарке за плоту и мельницу на Наше медное дело он, гость Надея Светешников да подьячей Илья Кирилов поставили. Да у них же Пыскорскаго монастыря у арх[иепископа] Гермогена с братиею против их Пыскорскаго монастыря за Камою рекою взят луг для сенных покосов меднаго дела, угольных пожегов на кровлю»².

Мы видим, что это уже была не маленькая кустарная печь, а настоящий завод, имевший плотину, движимые водой механизмы для дробления руды, место

для углежжения, и, наконец, сам плавильный цех. Наличие иностранного мастерового гарантировало, что завод будет функционировать. О руде, добытой в шахте Григорьевской горы и предназначавшейся для нового завода, местные власти сообщали: «...прошлаго 149 (1641) года июля с 1 числа сентября по 1 число 150 пуд (1 пуд=16, 38 кг – *Б.Н.*), а сентября с 1 числа генваря по 1 число на Григорове горе уломано медныя руды при немцах пять сот десять пуд; да 150 (1642) года генваря с 1 числа февраля по 6 число после немецких мастеров при русских урядчиках на Григоровой горе уломано медной руды по смете с тысячу пуд...»³.

Эти цифры невелики, но, тем не менее, они свидетельствуют, что это было уже не кустарное предприятие. Об этом свидетельствует и наказная память, данная Ивану Онофриеву, посланному в 1643 г. управлять Пыскорским заводом: «Ехати ему к Соликамской к медному делу, а приехав у медного дела в гостиной сотни у торговаго человека у Кирила Босово, медное всякое строение и запасы и всякия снасти и за расходы остаточныя деньги и руским мастеровым людем, плавильщиком, и подплавильщиком, и ссылочным денежнаго дела вором, именную роспись и места, где руда объявилась, и во всем с ним росписаться именно. А росписався у старых мест, где медная руда съискана, велеть руду копать и в иных местах искать, и из тех руд, где объявится, опыт чинить. А сколько руды положат, и что выйдет из нее меди, и то записывать в книги именно... А дрова и лес и уголье велеть готовить и уголье жечь угольщиком, которые были напредь сего; а для работы тем угольщиком и к медному делу к работе наймовать деловцов охочих...»⁴.

Несмотря на значительные затраты государства на строительство первого металлургического завода на Урале, он работал с перебоями. Немецкий мастер был отозван – вполне вероятно, что он понадобился для других дел – в Москву, а завод сдан в аренду двум партикулярным людям, Ивану и Дмитрию Тумашевым; подобного рода дуэты часто встречаются в истории уральской промышленности. Через два года братья Тумашевы занялись строительством медного завода на Нейве, в Сибири. Из Москвы была послана новая команда иноземцев. Однако ее начальник умер, и иностранные рабочие были отозваны на войну со Швецией. Завод бездействовал много лет, и лишь в 1722 г. возобновил работу⁵.

Трудности в Пыскоре не испугали разведчиков медной руды⁶. Но окончательное превращение Урала в центр горной промышленности произошло благодаря не меди, а железу. Уральское население так же давно знало о месторождениях железа: небольшие литейные мастерские были здесь практически везде – вспомним о запрете башкирам иметь свои кузницы. Геннин, организатор казенных горных заводов при Петре I, писал: «В прошлом 1722-м году, когда прибыл в Сибирь от артиллерии тогда бывшей генерал маэор, что ныне генерал лейтенант и кавалер Дегеннин (*Геннин. – Б.Н.*), и тогда Арамильской слободы крестьяне Федор Бабин с товарищи объявили ему железную руду, обысканную близ реки Сысерти, о которой при объявлении ея доносили, что она обретена назад тому лет с сорок Арамильской слободы крестьянами, которые из оной руды до зачатия заводов и до прибытия ево, генерала лейтенанта, делали чрез малые печи и употребляли в продажу железо и со оною десятую платили в Арамильскую земскую кантору. А когда он, генерал лейтенант, на заводы прибыл, тогда дело кричного же-

леза для избежания от непорядочного зжения на уголь и руде от незнания практики напрасной траты им, генералом лейтенантом, пресечено, а велено довольствоваться железом от казенных заводов»⁷.

Кустарная плавка железной руды велась по всему Уралу. Некоторым крестьянам удавалось за день выплавлять до 5 пудов (около 80 кг) железа⁸.

Конечно, настоящей горной промышленности, способной удовлетворить потребности Московии, тогда еще не было. Железо продолжали импортировать, в основном из Швеции. Но как только его нашли на восточном Урале, то государством и частными лицами сразу же были предприняты попытки организации здесь промышленного производства. В 1676 г. два немца, Самуэль Фрич и Ганс Герольд, были посланы царем Алексеем Михайловичем на Урал с предписанием найти не только медь, но и железо. Они привезли два образца руды, но сообщили, что этот край слишком дикий⁹. На этом попытки промышленного освоения региона закончились.

С другой стороны, один из упомянутых мною братьев Тумашевых, прибыв на строительство аналогичного завода на Нейве, восточнее Уральских гор, и не найдя там меди, заинтересовался железом. Он стал просить Москву разрешить ему строительство здесь завода по плавке руды. Разрешение он получил в 1669 г., а на следующий год построил первый уральский железоплавильный завод, Федьковский, который работал около 10 лет и остановился к 1680 г. по неизвестным мне причинам. Позже Далматов монастырь возвел другой маленький железоплавильный заводик, на месте будущего Каменского, который сохранился до наших дней, но был скорее кустарным и обслуживал лишь сам монастырь¹⁰.

Все эти попытки наладить производство железа на востоке Урала долгое время оставались единичными и не дали ощутимых результатов. Лишь в самом конце XVII в., при Петре I, на Урале возникла настоящая железоделательная промышленность. Своим рождением она была обязана одному из первых соратников Петра, Андрею Виниусу, который сыграл важную роль в качестве создателя русской промышленности. Сын голландца, родившийся в России и сильно обрусевший, он с 1695 г. был думным дьяком Сибирского приказа¹¹. Узнав об открытии на Тагиле (приток Туры) крупных залежей магнитного железа, он писал 7 мая 1697 г. Петру I, только что отбывшему в свою знаменитую зарубежную поездку: «К тому та магнитная руда, сказали опытчики, такова богата, что из 100 фунтов руды выходит от 30 до 40 фунтов самого доброго железа». В то время в России не было специалистов, которые бы оценили качество найденного «магнита» и тем более организовали бы его плавку. Поэтому Виниус попросил Петра срочно найти у курфюрста Бранденбургского или в Голландии мастеров-сталеваров, производителей пушек, мушкетов, гранат и бомб. «И то дело будет в такое диво, – добавил он, – во всей вселенной не бывало». Виниус постоянно напоминал об этом императору. Вот что мы читаем в одном из его писем: «Пречестнейший мой милостливый господин... Прошу еще об железных мастерах постараться, и о таких, которые бы делали сталь, мушкеты, замки, сабли или бомбы, понеже, железо предивное обрелось из магнита, и заводов из магнита – изволь доведется – мною, от бытия мира не бывало».

А вот как отвечал ему император: «Письмо твое, майя 27 писанное, мне отдано июня 24 д., в котором пишешь ваша милость о мастерах; о чем уже обнадеживаем вашу милость, что исполнено будет, потому что в Дрезден у нас взялся тот дворянин, которому от короля заводы приказаны; а сами мы за скорою ездою тех заводов видеть не могли. А камень тот, которой ваша милость дала мне, утерялся еще в Кюнисберге»¹².

Хотя Петр I не был, как Виниус, сторонником производства железа на Урале, необходимость создания русского флота вынудила его поддаться на уговоры своего дьяка. Несмотря на краткость своего пребывания в Саксонии, Петр успел принять на службу двух горных инженеров, берг-мастера Эндерляйна и пробирера Блюхера, а также с десяток мастеровых¹³. Еще до их приезда в Россию он, едва вернувшись в августе 1698 г. в Москву, распорядился начать реализацию планов Виниуса и Сибирского приказа. Так на Урале началось строительство первых плавильных заводов. Князю Михаилу Черкасскому¹⁴, в 1697 г. ставшему тобольским губернатором, было поручено следить за этой стройкой, а из Москвы в Верхотурье отправили 22 рабочих и учеников, «Якушку со товарищи», взятых, вероятно, на металлургических заводах, уже существовавших в России (Тула, Олонец и т. д.). Им было приказано как можно скорее завершить строительство заводов¹⁵. Черкасский оказался неплохим руководителем, и успешно справился со своим заданием. Виниус, летом 1702 г. выехавший в Сибирь для проверки хода работ, 8 декабря 1702 г. писал из Верхотурья Петру I: «А тщанием вернаго вашего государева раба, князя Михайла Яковлевича, на первых заводах к вешнему поплаву пушек, мортиров и гаубиц болши 100, чаю, быть; да мешает майстеров пьянство – и за то наказаны – и приставников умная слепота. А на других пушек будет мало для опоздалого времени и многих прошедших до меня хлопот и крестьян коварства, которые успокоены ныне весма. Уповаю, государь, еще в 2 местах или трех великим заводам быть и стараюсь, чтоб всех уготовить 10 домен, которые в год чюгуну дадут, буде помешек не явится, с 1400000 пуд. А руды, государь, железной богатой толикое обрел число, что, чаю, прежде лесам оскудение нежели рудам, будет; а наипаче, что железо то зело добро и равняется с Гишпанским. Но сие, государь, великое дело требует великое время, донде же созреет и приставников верных; и теми здесь скудно, и к тому различные помехи являются, их же вам, великому государю, донесу и протчих новообретенных делех велми полезных».

Черкасский построил в 1698-1704 гг. нижеупомянутые заводы, некоторые из которых существуют и поныне: Федьковский (на месте бывшего завода Тумашева), который почти сразу же был перенесен на Нейву, став Невьянским заводом («Старый завод»), Алапаевский, Уктусский¹⁶, Каменский заводы. Чтобы продемонстрировать масштаб работ, достаточно процитировать Геннина.

Невьянский завод: «В прошлом 207-м году, апреля 23 числа, по имянному великого государя указу и по выписке за пометою дьяка Никиты Зотова велено в Верхотурском уезде, на реках Тагимле и Невье, где сыскана железная руда, завести вновь железныя заводы, а мастеровых людей взять с разных железных русских заводов по человеку или по два, смотря, чтоб на тех заводах в мастеровых людех скудости не было и тех заводов не остановить».

Те заводы строены и по постройке в разные работы посланы были крестьяне из слобод Тагильской, Невьянской, Ницынской, Ирбитской, Арамашевской, Белослущкой, Аятской, Краснопольской, Чюсовской, Белоярской, Новопышминской, Камышловской, Пышминской, Красноярской, Тамакульской и верхотурския ямские охотники не по равному числу, но когда сколько понадобится».

Алапаевский завод: «В прошлом 1704-м году по указу б.и.в.д.п.е.и.в. Петра Первого, присланном с Москвы из Сибирского приказа в Тобольскую губернскую канцелярию, а ис Тобольска в Верхотурскую воеводцаго правления канцелярию, оной завод заведен и построен в Верхотурском уезде, в чертеже Невьянской и Мурзинской слобод, на государевой земле, на порожнем месте, на речке Алапаихе, которая впала в реку Нейву от онаго заводу в дву ста саженьях, а от Екатеринбургга оной завод стоит на север, на дороге едучи на Верхотурье, в разстоянии во 142 верстах.

Строил те заводы стольник и верхотурской воевода Алексей Калетин Верхотурского ведомства Невьянской, Арамашевской, Ирбицкой, Ницынской, Камышловской, Красноярской, Пышминской и Белослущкой слобод крестьянами».

Уктусский завод: «Оной Уктуской завод строен на устье реки Уктуса, близ Исети, от Екатеринбургга в семи верстах. Начат строить в 1702-м году декабря с 4-го числа в бытность в Тобольску ближнего боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича да сына ево ближняго ж стольника и воеводы князя Алексея Михайловича Черкаских. У строения того завода был присланной ис Тобольска прикащик Иван Астраханцов.

Оные заводы строены Тобольского и Верхотурского уездов разных слобод крестьянами...».

Каменский завод: «Оной завод заведен и зачат строить по указу ис Тобольска в 1700-м году июля с 8-го, а совершен октября 15 числа 1701-го году, и построена плотина, домна и молотовая фабрика и анбары и сарай для клажи припасов, кантора, кузница и квартиры для житья мастеровым людем.

Строен оной крестьянами Катайского да Кочеданского острогов, также Каменской, Камышевской и Багарядцкой слобод за снятые с них, крестьян, денежные и хлебные оброки по переписным книгам Ивана Качалова.

У того строения был присланной ис Тобольска сын боярской Иван Астраханцов да плотинной мастер Ермолай Неклюдов»¹⁷.

Став через несколько лет думным дьяком Сибирского приказа, Виниус с полным на то основанием мог заявить: «Сыскано такое в тамочной стране железо и заводы двои заведены, а трои починают, что возможно, когда все устроятся, железа чюгуну быть в году 1500000 пуд, а иноземцы, смотря доброту его, что явилось лутче Свейского кованого, дают у города поставить за пуд по ефимку, ис которого выдет в переделе рубль с алтыном. И ис того железа учили делать фузеи, сабли, тесаки, копыя, сталь, уклад, лить пушки, мортиры, гоубицы, которые добротую разве малым хуже медных...»¹⁸.

Таковы были инициативы государства. Интересно, что они сочетались с обращениями к частным лицам. В этом отношении особое значение имела передача в 1702 г. из казны вновь выстроенного Невьянского завода Никите Демидову. Этот бывший тульский кузнец владел у себя на родине кузницами. Его дея-

тельность высоко оценивал Петр I, поскольку Демидов снабжал армию ружьями, производившимися на его Тульском заводе, по низким ценам. В период войны со Швецией армии постоянно требовалось оружие, и император полагал, что Никита лучше всех сможет организовать военное производство на Урале. В 1697 г., после открытия магнитного железа в Сибири, что, как мы видели, произвело в Москве большое впечатление, Никите поручили произвести испытание этой руды. Его результат был таким: «Да марта в 5 день (1697 г. – *Б.Н.*) вышеписанные железные руды 4 пуда 35 фунтов для переплавки отданы туленину железных заводов мастеру Никите Антуфьеву. И Никита Антифьев сказал: сибирскую де железную руду он переплавил, а железа вышло из нее пуда 3 два, и этого железа сделано 2 доски на ружейные стволы и один ствол с замком, да копье он сделал, а железо самое доброе, не плоше свицкого, а к оружейному делу лутче свицкого...»¹⁹.

В 1702 г. Петр решил уступить Демидову лучший из заводов, построенных Черкасским, полагая, что это будет способствовать решению проблемы с производством недорогого оружия, которое требовалось царю для войны со Швецией. О юридической стороне вопроса, по-видимому, не очень заботились: вероятно, Невьянский завод сдавался Демидовым в аренду, но те посчитали его подарком царя²⁰. Как бы там ни было, 8 сентября 1702 г. сын Никиты Демидова Акинфий, тоже ставший крупным организатором горной промышленности на Урале, принял этот завод от имени своего отца, и 11 сентября зажег огонь в домне; сразу же началось строительство второй домны. Так на Урале возникла частная металлургия.

Виниус, который тогда находился в Сибири, 6 декабря 1702 г. направил Никите Демидову подробную «память». Наряду с техническими рекомендациями она определяла будущий статус частных заводов на Урале: «..многая сего прошедшаго лета учинилась остановка за худым и непорядочным строением различных у тех заводов статей, которыя вновь ты принужден был переделывать, а оныя остановки тебе были от дороговизны наемных работных людей и плотников, злобою и корыстию прежних приставников и крестьян. И про то великий государь укажет разыскать вперед, а ныне его, великаго государя, указ послан Аянской и Краснопольской слободы прикащику: велено ему, за удобный и пристойный наем, чтоб им, работникам, сытым быть, у тебя работать без всякаго прекословия.

А в том деле с правдою усмотря, ленивых по вине сам наказывай батогами и плетями, только в такой мере, чтоб тебе чрезмерною жесточью их врознь не разогнать и не навесь бы тебе на себя правых слез в том и обиднаго въздыхания. И оттого гораздо остерегаться, для того что обида, паче убогому человеку, есть грех непростительный. К тому опасно, что тот ради причины не учили б бегать, чтоб тем заводы не запустили. Охочих вели учить, чтоб, исподволь изучась, могли себе пожиточки работою своею нажить».

Несмотря на вычурный стиль Виниуса, отчетливо ясна важность меры, о которой идет речь. Крестьяне двух населенных пунктов, Аятска и Краснополя, приписанные к заводам Демидова, были государственными крестьянами, поселившимися в Сибири в XVII в. Теперь казна передавала их в качестве вспомогательных работников частным предпринимателям. Так возникли «приписные крестьяне», которые длительное время составляли основную рабочую силу горной промышленности Урала.

Такое промышленное крепостничество на Урале в начале XVIII в. было необходимо: край был практически безлюден, и рабочая сила там фактически отсутствовала. Впрочем, государство не только принудило работать на заводах казенных подданных, но и приписало туда крестьян частных владельцев. На Нейве, недалеко от демидовского завода, существовал монастырь, основанный при Алексее Михайловиче. Монастырские крестьяне были отданы Невьянскому заводу в качестве государственных. Вот что поручалось губернатору Верхотурья в марте 1706 г.: «В прошлом 704 году, марта в 27 день, по нашему великого государя указу,.. велено Никите Демидову к железным заводам владеть монастырским Покровским селом со всеми угодьями и с лесами, и монастырских крестьян, что живут у монастыря и на Пышме, которые ему, Никите, не отданы, отдать, отдать безо всякой оговорки, чтоб за неотдачею крестьян тем заводам остановки не было и воинским припасам в литье и в кованье железа, для нынешнего воинского свейского случая, медления не было...»²¹.

Таким образом, ранняя русская колонизация Урала была поставлена на службу его индустриализации.

Партикулярная и казенная промышленность на Среднем Урале в XVII в. Горная промышленность на Урале развивалась очень быстро. Залежи железа и меди в регионе были несравненно богаче и лучшего качества, чем в центре страны и вскоре промышленное производство переместилось на Урал. На первом этапе промышленному подъему способствовали Демидовы. Позже государство направило сюда Геннина, о котором речь пойдет ниже.

Демидовы – Никита и его сын Акинфий (это был самый энергичный из всех заводовладельцев) – построили в 1716-1731 гг. несколько заводов вокруг Невьянска. Вот несколько деталей, которые я извлек из замечательного описания Урала Генниным:

«Шуралинской железной завод: При котором 4 молота, а домен не имеетца, построен в 1716-м году при отце ево Акинфиевом камисаре Никите Демидове.

На ковку железа тот завод чюгуном довольствован и ныне довольствуетца привозным с Невьянских заводов. И под теми четырьмя молотами имеет зделыватца в год железа 32000 пуд».

«Бынговской: Построен при нем же, Никите Демидове, в 1718-м году, расстоянием от Невьянского в 7 верстах. На оном делаетца железо под четырнатцатью молотами, а домен нет. Под теми молотами зделаетца в год железа 112000 пуд...».

«Верхне-Тагильской завод: Что на реке Тагиле, от Невьянского завода расстоянием в 20 верстах, построен в 1718-м году при камисаре Никите Демидове. При том заводе построено две домны и четыре молота, и из оных одна домна в ход пущена з генваря месяца 1720-го года...».

«Нижне-Тагильской железной завод: По указу 1720-го года, данному камисару Никите Демидову, построен на Тагиле реке в 1725-м году от Невьянского в 57 верстах. При оной построено 4 домны и 2 молота и из оных одна домна пущена в ход декабря з 25 числа того ж году...».

При том Нижне-Тагильском заводе чюгуна в сутки выходит от 250 до 400 пуд, а в год из одной домны 118725, а из дву 237450 пуд.».

«Шайтанский завод: При котором плотина и две пильные мельницы построены в 1721-м году. А потом по данному ему, Демидову, из бывшей берг-коллегии в 1726-м году февраля 9 дня указу при той плотине и пильных мельницах на Шайтанке построил молотовую и в ней два молота в 1727-м году. И на дело при том заводе железа чюгун привозят с Тагильских ево заводов...».

«Черноисточинской завод: Построен по оному ж берг-коллегии указу в 1728-м году. Во оном 4 молота... Чюгун на ковку железа привозитца туда с показанных же Тагильских заводов».

«Уткинский завод: (Построен в 1729 г., имеет 4 молота, чугун привозят с тех же заводов. – *Б.Н.*)».

«Ревдинский завод: Зачат строить за Чюсовой рекой на речке Ревде в 1732 году, и плотина была уже построена, но оную в 1733-м году вешнею большею водою промыло... И ныне паки та плотина и фабрики, также и две домны строятца, токмо в совершенство и действие еще не приведено. И колико молотов построено будет – неизвестно.

Руды к тому заводу на плавку чюгуна имеют привозитца с нижеписанных рудников, которые обысканы ево, Демидова, людьми»²².

Позже Демидовы построили и другие железные заводы, но эти первенцы были, несомненно, их главным вкладом в индустриализацию Урала.

Демидовы сыграли важную роль в возобновлении производства меди. Мы видели, что оно практически прекратилось здесь к концу XVII в. Долгое время усилия заводчиков были направлены на железо. Но к 1716 г. успехи, достигнутые в этой области, а также опыт, приобретенный в металлургии, заставили правительство заняться разработкой богатых месторождений меди. Первые попытки этого были неудачными²³, но в 1720 г. к этому подключился Никита Демидов и ему сопутствовал успех. Первый крупный медеплавильный завод, Выйский, он пустил в 1722 г. Вот еще один отрывок из работы Геннина: «Выйский медный завод: В прошлом 1721-м году, ноября 27-го, в указе б.и.в.д.п.е.и.в. из бывшей берг-коллегии, писанном декабря 20-го 1720-го года от артиллерии тогда капитану, что ныне действительный статской советник, Татищеву да бергмейстеру Блиэру писано по его великого государя указу, каков учинен в берг-коллегии, велено туленину Никите Демидову в Сибирской губернии в Верхотурском уезде на государевой порозжей земле, за речкою Выею, где он нашел медную руду, на оном месте построить ему медной завод на свои собственные деньги и на том заводе плавить ему медь...

И по тому указу тот Выйской завод им, Демидовым, построен и в действо приведен в 1722-м году и плавка меди началась того ж году ноября с 23-го дня и был в действии по 1729 год мая по 14 число. А в том числе оной завод згорел и после того вновь построен.

Медные руды к тому заводу для плавки меди берутца с рудника Выйского, а руда добываетца в горе гнездовая между диким камнем, сыскан и объявлен верхотурским ясашным новокрещенным вогулятином Савою Семеновым».

Тогда же Демидовы построили еще 2 медеплавильных предприятия, на этот раз рядом с Кунгуром, где руду искали с XVII в.: «Суксунский медеплавильный завод: Построен в 1729-м году по указу берг-коллегии в Кунгурском уезде на

речке Суксуне, расстоянием от Екатеринбурга в 251, а от Кунгура в 42 верстах. При том заводе построено медиплавильных печей 12... Да в том же уезде ныне у него ж, Демидова, строитца медной завод на речке Быме...»²⁴.

Долгое время государство плелось в хвосте блестящих успехов Никиты и Акинфия Демидовых. Казенные железоделательные заводы, Алапаевский, Уктусский и Каменский, работали плохо. В 1722 г. даже хотели сдать последний в аренду частным лицам – вот до какой степени он был в упадке²⁵. Чтобы разобраться с ситуацией на казенных предприятиях, Петр I в 1720 г. отправил на Урал капитана артиллерии Василия Татищева, историка и будущего преемника Кирилова в Башкирии. Но Татищев только поссорился с Демидовыми. Впрочем, основной задачей его миссии была организация выплавки меди на казенных землях, однако Татищев ограничился разработкой достаточно сложного, но так и нереализованного проекта передачи в аренду частной компании залежей меди у границ с Башкирией²⁶.

Именно тогда Петру I пришла в голову замечательная идея – послать в Сибирь такого опытного человека, как Геннин (Вилим Геннин или «де Геннин», как он любил себя называть). Немец из Нассау-Шегена, он в 1698 г., еще юношей был завербован Петром на русскую службу и, благодаря своей энергии и способностям, стал генерал-майором, комендантом Олонца и главой железных рудников этой провинции²⁷. Ему было поручено улучшить работу казенных металлургических предприятий. Инструкции, данные Геннину 29 апреля 1722 г. императором, были таковы:

«I. Ехать ему в Кунгурской, Верхотурской и Тобольской уезды, где есть наши железные и медные заводы.

И железные заводы во всем исправить, а имянно пушечным литьем.

Также велеть там делать уклад, сталь, жечь и дощатое кровельное железо. И сделать для резания железа и для проволочного дела машины.

А которые похотят тому делу от партикулярных заводов учиться – и таких учить.

II. Медные заводы также во всем исправить и привести в доброе состояние и размножение.

III. Розыскать между Демидовым и Татищевым, также по всем делам Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в сенат, также в берг-коллегию и к нам.

IV. Что надобно будет ко обоим заводам, каких деревень и земель, о том писать в сенат, откуда велели мы ко удовольствию тех заводов чинить немедленно резолюцию.

V. На первое время для строения и работ на те заводы людей и прочее, что к тому делу принадлежит, требовать от губернаторов и от воевод, о чем к ним даны вам послушные указы.

VI. На дачю жалованья мастеровым людям, которых велено тебе с собой взять, отпускается с вами денег на два года две тысячи восемьсот шестьдесят два рубля сорок восемь копеек да сверх того на чрезвычайные расходы тысяча рублей»²⁸.

Геннин получал тем самым практически неограниченные права, чем и не преминул воспользоваться.

Рассмотрим основные этапы его деятельности на Урале.

Прибыв 2 октября в Кунгур, он немедленно взялся за изучение вопроса о добыче меди, что так интересовало Петра I, и принял меры, чтобы за зиму подготовиться к строительству будущего Полевского завода. Геннин также обнаружил в регионе залежи железа, разрабатывавшиеся крестьянами-кустарями, и выбрал место для строительства на следующий год домны.

Заехав ненадолго в Соль Камскую, он отправился на демидовские заводы и увидел там следующее: «И ноября 26 дня (1222 г. – *Б.Н.*) с Кунгура (по возвращении с Соли Камской) поехал к Демидову для розыску между им и Татищевым. И прибыв декабря 1 числа ево, Демидова, старые и новые заводы осмотрил, которые в хорошем весьма порядке и в самых лутчих местах построены... А на государевы заводы сожальительно смотреть, что оные здесь заранее в добрый порядок не произведены. Понеже... таковы места, что рек, руд, лесов, где быть заводам, довольно. И работники дешевы, также и харч не дорог, а не так, как на Олонце». Однако эти заводы «весьма ныне в худом порядке: первое – не в удобном месте построены и за умалением воды много прогулу бывает, второе – припасов мало, третье – мастера самые бездельные и необученные»²⁹.

Побывав у Демидовых, Геннин отправился на казенный Уктусский завод. Он нашел его в неудовлетворительном состоянии и потребовал провести там ремонт³⁰. Близлежащая местность показалась ему удобной и в 7 км южнее, на реке Исеть, он основал новый промышленный центр, которому была уготована блестящая судьба: это был будущий Екатеринбург. Воды, железной и медной руды, а также леса на Исети было предостаточно, следовательно, имелись все условия для строительства здесь мощных казенных заводов. Проблему создавали лишь жившие по соседству башкиры, которые не хотели этого. Тогда Геннин построил между заводами небольшую крепость. Весной 1723 г. он выписал из Тобольска для строительства 2 батальона солдат и рабочих. Огромные трудности, вставшие перед ним, Геннин резюмировал так: «Но токмо оные салдаты и работные люди плотничье дело не знали и в протчих работах при строении зело были необычайны, к тому ж как оные салдаты, так и работники сперва много от работы бегали, и дошло было до того, что оногo генерала лейтенанта в том пустом месте при строении едва не одного оставили, от чего тогда не без опасности ему было от непостоянного Казачей орды народа, башкирцов и татар, которые в близости жительство имели и уведали, что русские люди близ их рубежа строят заводы, собирались воровскими партиями и русских людей, которые руды искали около Полевой, убивали. И того ради он, генерал лейтенант, для страху им понужден был оных татар, которые русских убивали, сыскав, жестоко с ними поступить, от чего, взирая на то, другие страх возимели и до сего времени никакого помешательства не чинят, но живут покорно. И хотя вышеписанное бегство салдат и необычайность их и крестьян в работах и чинилось, однако радением и неусыпными трудами оногo генерала лейтенанта, как Екатеринбургская крепость, так плотина, разные фабрики и протчье, зачатое строить с марта месяца 1723-го года, построено в одном том 1723-м году»³¹.

В 1723 г. строительство заводов в Екатеринбурге шло одновременно с реконструкцией старых предприятий в Алапаевске и Каменске. Трудностей было много. 7 сентября 1723 г. Геннин докладывал Петру Великому: «И хотя я в трудах розорвуся, однако заводы новые, железные и медные, не могу скорее строить и умножит. Остановка истинно не от меня, но ты повер мне, но остановка есть, что у меня немного искусных людей в горном и завоцком деле, а везде сам для дального расстояния быть и указат не могу. А плотники здесь не так как олонецкие, но пачкуны, а буде бы были здесь олонецкие плотники, то мог бы скорее достроит... А он, Демидов, ныне контентен и мне в строении твоих заводов немалую помощь учинил в добрых плотинных мастерах»³².

Скромный по натуре, Геннин был выдающимся организатором. В письме к Петру 20 августа 1724 г. он отчитывался: «1. Екатеринбург... построены. 2. Уктусские заводы починил и исправил... 3. Каменской завод почитай весь внов починивал... 4. Так же Алапаевские заводы внов плотину строил... 5. На Полевой при башкирской границе, которое место я обложил как три четверти года, близ двухсот тысяч пуд медной руды с малым коштом добыл через сто человек тобольских салдат, которые и обороняют от башкирской воровской партии... 6. При том же строил для коммуникации от Екатеринбург до Полевой порубежные три крепости... 7. На Верхотурье, при реке Ляле медной завод в действие приведен и руду добывают в двух штолнах. 8. Ягушихинские заводы, близ Камы-реки, совсем достроены и давно мед плавят. 9. При Пыскоре верхней завод... весь исправил... 10. Нижней Пыскорской завод, которой я заложил нынешней весны и вес наново построил... 11. На Яйве-реке... руды добыто с пятьдесят тысяч пуд...».

Обращают на себя внимание следующие слова Геннина: «И благодарю Бога, что русской нации в такое краткое время, при малом количестве иноземцев учатся и обучились, что я уже могу такие великие заводы и фабрики и горное дело с ними в действе управлят...»³³.

Когда в 1734 г. Геннин подал в отставку и был назначен членом Военной коллегии, на Урале действовало 10 построенных им новых казенных заводов, выплавлявших миллионы пудов чугуна и железа, и десятки тысяч пудов меди³⁴.

Демидов и Геннин создали на Урале горную и металлургическую промышленность, которая радикальным образом изменила облик края. В своем первом письме Петру (25 ноября 1722 г.) Геннин писал: «Обретаюсь между горами, болотами и лесами». Горы, болота и леса таковыми и остались, но заселившие их русские построили здесь промышленные центры, которым было уготовано блестящее будущее.

При Геннине и двух первых Демидовых государство и партикулярные люди действовали одновременно и их пути не пересекались. Несмотря на успех Геннина, Петр все же благоволил к частной индустрии: абсолютный монарх, фактически деспот, он ни в коей мере не был «государственником», а прежде всего стремился заставить работать своих вассалов. Промышленность страны, которой он всегда уделял особое внимание, должна была, по его мнению, быть делом компанейщиков, желательна иностранцев, применявших передовую технику. Исходя из этих соображений, 10 декабря 1719 г. Петр издал указ об учреждении Берг-коллегии, а 23 января 1720 г. – указ о приглашении иностранцев в русскую

горную промышленность³⁵. Переписка между императором и Генниным свидетельствует, что царь постоянно интересовался заводами. 4 апреля 1724 г. Геннин докладывал Петру: «...а возле тех мест есть довольно и других таких рудных мест, где мы, компанейщики, можем добывать руды... Ему (Демидову. – *Б.Н.*) не очень мило, что вашего величества заводы станут здесь цвесть, для того что он мог больше своего железа продавать и цену наложить, как хотел, и работники б вольные все к нему на заводы шли, а не ваши»³⁶.

Борьба между казенной или партикулярной промышленностью на Урале продолжалась вплоть до эпохи советской «национализации», которая, по видимому, окончательно решила этот вопрос в пользу государства. Петр был не столь радикален в этом вопросе, поскольку частники не были достаточно активны; успех Демидовых не привел к расцвету уральской металлургии. О Строгановых, имевших все возможности для занятий промышленностью, Геннин 4 апреля 1724 г. писал императору, что «...прежде сего жили они как Танталус, вес в золоте и огорожен золотом, а не могли достать...».

Лишь в 1728 г. на уральских рудниках появились новые партикулярные люди: балахонцы Петр и Гавриил Осокины. Они основали в 1728 г. Иргинский медеплавильный и железоделательный завод на реке Иргин, примерно в 80 км от Кунгура, а в 1731 г. там же Юговский (на реке Юг) медеплавильный. Но их нельзя сопоставлять с Демидовыми, продолжавшими расширять свои владения. Вслед за Осокиными и Строгановы, наконец, решились в 1733 г. построить свой первый железоделательный завод, Билимбаевский, предназначенный в основном для нужд их солеварен. Позже они создадут немало предприятий³⁷.

Соперничество между партикулярной и казенной промышленностями продолжалось, но в Санкт-Петербурге всегда поддерживали первую. Об этом свидетельствуют инструкции, данные в 1734 г. преемнику Геннина Василию Татищеву относительно Екатеринбургa, и предписания Геннина (1735 г.) все тому же Татищеву о найденных последним залежах руды³⁸. Таким образом, государство мало верило в эффективность казенного управления.

Действительно, казенные заводы производили меньше 200000 пудов железа в год и приносили лишь 70000-100000 руб. дохода. А одни Демидовы ежегодно выплавляли свыше 350000 пудов. Крайне прижимистое, правительство императрицы Анны заинтересовалось этим феноменом, создав в 1733 г. комиссию во главе с графом Головкиным, которая в 1734 г. высказалась за передачу казенных заводов партикулярным лицам. Однако таковых не нашлось³⁹.

Выводы комиссии графа Головкина горячо поддержал саксонский барон Шёмберг, приехавший в 1736 г. в Россию по приглашению императрицы Анны, чтобы навести порядок в горных делах. Результаты деятельности этого человека, ставшего генерал-берг-директором, неоднозначно оценивались современниками. Острый на язык и постоянно конфликтовавший с окружающими Татищев считал его вором и ставленником другого, еще более ненавистного немца, Бирона; напротив, лучший знаток Урала второй половины XVIII в., Бенедикт Франц Иоганн Герман, утверждал, что пребывание Шёмберга на Урале сыграло положительную роль для горной промышленности края⁴⁰. Видимо, Герман был прав. После восшествия на престол императрицы Елизаветы Шёмберг пришлось отвечать за

дружбу с Бироном: его бросили в тюрьму, а заводы конфисковали. В итоге от Шёмберга потребовали вернуть казенные средства, выделенные этим заводам, но вскоре выяснилось, что казна сама задолжала ему около 27000 руб. и он смог вернуться на родину⁴¹.

Шёмберг привез из Саксонии принцип государственной горной политики, который применялся тогда в Германии. Речь идет о горной свободе (*Bergbaufreiheit*), согласно которой государство разрешает пользоваться своими недрами всем желающим, но сохраняет за собой ряд привилегий и общий контроль⁴². Шёмберг прибыл в Россию тогда, когда на казенных землях Урала были открыты новые месторождения железа, и именно к ним он приложил свои идеи. История этого открытия представляет определенный интерес, и мы изложим ее словами современника: «Сия гора до 1734 года была совсем неизвестна; она лежала в самых глухих и дремучих лесах за тундристыми и почти непроходимыми болотами, а только лишь там кое-когда скитались за звериною ловлею вогуличи. В те времена над всеми уральскими заводами был главным начальником Татищев. По его распоряжению отправлены были, как для присмотра над частными заводами, так и для отвода им лесов, горные офицеры, из числа коих в 1734 году находился для отвода лесов к Нижне-Тагильскому заводу бергешворен Сергей Ярцов, от коего по изустному и письменному преданию сыну его (сочинителю рукописи) об открытии сей знаменитой горы известны следующие обстоятельства: будучи в том дремучем пустынном крае, и занимаясь межеванием лесов к Нижне-Тагильскому заводу, в одно время вышедший из оных лесов вогулич Степан Чумкин объявил ему, Ярцеву, пребогатую магнитную руду, извещая притом, что он нашел оной руды превеликую гору, с таковою просьбою, чтобы осмотрев, не мешкав, записать оную гору за Государя (т.е. в казну) для того, что де брат его (вогулича), будучи с ним вместе у той горы, и взяв такой же кусок руды, пошел объявить оную хозяину Нижне-Тагильского завода Акинфию Никитичу Демидову, пребывавшему тогда на Невьянском заводе. И так означенный офицер Ярцов, нимало не мешкав, с тем вогулом учинил осмотр горы, и уверившись в неистощимом в ней богатстве, и из особаго к государевой казне усердия, сам со взятою рудою поскакал для объявления оной в Главной канцелярии Екатеринбурга. Но как путь его лежал чрез Невьянский завод, где и сам заводчик находился, и где по скорому из лесов его возвращению, возымели на него некоторое подозрение о какой-либо везомой им чрезвычайности, и так то подчиванием, то под разными предложениями всячески тут старались его удержать. Однакож он, кое-как скрываясь от Демидова, едва успел угнать от посланной за ним опасной погони, напоследок достигнув окольными путями Екатеринбурга, объявил о той рудной горе начальнику своему г. Татищеву, который в тот же час и приказал ее записать в канцелярии казне принадлежащею... [...]. Рудоискателю вогуляку выдано тогда же из Екатеринбургской заводской канцелярии в вознаграждение 20 рублей»⁴³.

Эти живописное, хотя может быть и не совсем точное описание хорошо передает атмосферу, царившую на Урале в 1735 г. Татищев лично осмотрел место открытия и сообщил императрице: «Сего сентября 5 числа (1735 г. – *Б.Н.*) ездил я отсюда (Екатеринбурга. – *Б.Н.*) на реку Кушву и, приехав на оную 8 числа, осматривал: она гора есть так высока, что кругом видеть с нее верст по 100 и более;

руды в оной горе не токмо наружной, которая из гор вверх столбами торчит, но кругом в длину более 200 сажен, поперек на полдень сажен на 60; раскапывали и обрели, что всюду лежит сливная одним камнем в глубину; надеюсь, что и во многие горы дна не дойдем. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору Благодать, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати божией открывалось, тем же и вашего величества имя в ней в бессмертность славится имеет»⁴⁴.

Не дожидаясь, пока Петербург сделает окончательный выбор в пользу партикулярной или казенной промышленности, Татищев начал строить 2 маленьких завода вблизи горы Благодать – Кушвинский и Вернетуринский, которым, конечно, было не по силам освоить новые месторождения⁴⁵.

Правительство отнеслось к открытию Благодати равнодушно. Прибывший вскоре в Россию Шёмберг, будучи талантливым немецким чиновником «камергерской» эпохи, в сентябре 1736 г. провел крупномасштабный анализ уральской горной промышленности. В мае 1738 г. он предложил императрице Анне создать комиссию для изучения полученных им сведений, которая бы, наконец, ответила на вопрос: оставить ли казенные заводы в руках государства или передать их партикулярным людям? Был одобрен последний вариант. 16 июня 1738 г. императрица подписала указ о передаче всех существующих заводов компаниям или частным лицам. 15 февраля 1739 г. специальным указом Гороблагодатские заводы передавались компании, состав которой утверждался императрицей.

3 марта 1739 г. был опубликован новый горный устав – Берг-регламент. Он полностью основывался на принципе *Bergbaufreiheit*: «однакож оные казенные наши заводы, для многих околичностей и излишних иждивений, не толь прибыточны и государству нашему полезны как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатся, ибо партикулярные люди, имея заводы и фабрики в своем собственном владении, для лучшей своей пользы старание прилагают всяким удобовозможным образом те заводы и фабрики распространять, и на заводах заводят разныя фабрики и делают всякия вещи ко употреблению домашнему, от чего те фабрики в государстве размножаются и в лучшее состояние приходят»⁴⁶.

Одновременно с Берг-регламентом 3 марта 1739 г. была одобрена привилегия компании, которая в соответствии с указом от 15 февраля 1739 г. получала в свое распоряжение гору Благодать и имела покровительство самой императрицы. Эту так называемую «Берг-компанию» возглавил Шёмберг, а ее капитал составили вклады высших сановников, Карла и Густава Биронов, императрицы, и, наконец, крупного коммерсанта иностранного происхождения, малоизвестного и пользовавшегося дурной славой Германна Мейера⁴⁷.

Оставалось еще приватизировать остальные казенные уральские заводы. За право владеть ними боролись несколько человек, в том числе Демидовы и Петр Осокин, но Шёмберг выбрал Германна Мейера, уже ставшего *persona grata* при генерал-берг-директоре. Он получил все казенные заводы, за исключением Гороблагодатских. Но, почувствовав, что твориться что-то неладное, Анна аннулировала это решение. Шёмберг попытался заступиться за Мейера, ссылаясь при этом на нехватку специалистов в области управления. Однако императрица проявила твердость и казенные заводы сохранили свой статус⁴⁸.

Пресловутая Берг-компания просуществовала совсем недолго. Звезда Шёмберга закатилась после смерти императрицы Анны и вступления на престол Елизаветы Петровны. 7 апреля 1742 г. генерал-берг-директориум был упразднен, а 25 июня 1742 г. Гороблагодатские заводы вернулись в казну⁴⁹.

Несмотря на крах авантюры саксонского камергера, правительство продолжало считать, что передача партикулярным лицам казенных заводов стимулирует промышленное развитие Урала. Сенатский указ о заводах Берг-компания оговаривал, что они будут управляться казной до тех пор, «пока в содержание охочим к тому, надежным людям, с приращением казенной прибыли, отданы будут»⁵⁰. Но пройдет еще много лет, прежде чем новая политика будет воплощена в жизнь в условиях, в чем-то похожих на время Шёмберга. Когда-то в списке партикулярных людей фигурировали два брата фаворита императрицы Анны, Бирона; теперь их место занял Петр Шувалов (брат фаворита императрицы Елизаветы), получивший привилегию на все те же Гороблагодатские заводы. Но, в отличие от Биронов, Петр Шувалов был одним из самых выдающихся россиян своего времени. Достаточно сказать, что именно он ввел в стране единую таможенную, что стало одним из самых выдающихся событий в истории Российской империи. Будучи сенатором, он фактически являлся министром финансов и экономики, и, кроме того, вел собственную широкую и смелую финансовую деятельность. Политик и финансист, он живо интересовался уральской металлургией и в 1754 г. получил Гороблагодатские заводы. В данном ему указе говорилось: «Сего мая 5 дня по указу из Правительствующаго Сената велено Гороблагодатские казенные железные заводы, называемые: Туринский, Кушвинский, Баранчинский и вновь строящийся на речке Туре, с приписными к тем заводам крестьянами, мастеровыми и работными людьми и с выплавленным на тех заводах ныне имеющимся чугуном и сделанным железом, со взятием как за употребленный на те заводы казенный капитал, так и за наличное железо и чугун, во что он там обошелся, указанного числа денег, по силе Берг-регламента 739 и высочайшаго Ея имп. Величества 742 года апреля 1 числа указа, генерал-аншефу, сенатору, Ея импер. Величества генерал-адъютанту, действительному камергеру, лейб-компания подпоручику и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову, яко к тому содержанию и размножению оных заводов надежной персоне, отдать»⁵¹.

Данная Шувалову привилегия открыла новую эру: в течение нескольких лет все казенные железоделательные заводы, за исключением двух, перешли в частные руки. Таким образом, планы, выработанные комиссиями императрицы Анны, наконец-то сбылись, и все труды Виниуса и де Геннина пошли насмарку. Новые владельцы заводов были почти исключительно представителями столичной аристократии: графы Чернышевы, Ягужинский, Михаил Воронцов, наконец, майор гвардии Гурьев. Солепромышленник Турчанинов был единственным, кто не принадлежал к аристократии; он получил прекрасные Сысертский, Полевский и Северский заводы (второй был построен Генниным, остальные – Татищевым). Только екатеринбургские предприятия и Каменский завод оставались в руках казны⁵².

Ни Шувалову, ни другим дворянам не повезло на ниве промышленности. Но Шувалов, по крайней мере, хотя бы построил новые заводы, в то время как

другие (да и сам он) только наделали долгов. Лишь не имевший дворянства Турчанинов довел до конца начатое дело. Пример Шувалова свидетельствует о провале попыток искусственного внедрения партикулярной промышленности на Урале. В 1763 г. его сын ходатайствовал, чтобы отцовские Гороблагодатские и Камские заводы были вновь взяты в казну; он оставил у себя лишь один завод в Башкирии, о котором я еще расскажу. Правительство констатировало: «Хотя те заводы в наследственное владение отцу его графу Шувалову по отдаче Правительствующим Сенатом именным указом и утверждены, но с заплатаю в 20 лет по оценке 186629 рублей 65 коп. которую суммою он, Шувалов, казне и должен, и не более уплатил, как только 6940 рублей 55 копеек, и потому казалось бы, что к заплате всего находящегося на оном Шувалове казенного долга, возвращения Гороблагодатских и Камских заводов в казну недостаточно; но понеже известно, что отец его, Шувалова, как те четыре Гороблагодатские сибирские гораздо приумножил, так и казанские Воткинской и Ижевской, под именем Камских почитаемые заводы на свое иждивение выстроил, то не соизволите ль Всемиловитивейшая Государыня, Высочайше повелеть Сенату...»⁵³.

Таким же образом в 1770 г. в казну были возвращены заводы графа Чернышева, а в 1781 г. – графа Воронцова (за исключением одного предприятия). Заводы Гурьева и Ягужинского приобрел Савва Яковлев, один из самых значительных уральских промышленников, который стал собственником (путем покупки или нового строительства) примерно 20 крупных железодельных предприятий, в том числе Невьянского завода Демидовых⁵⁴.

Таким образом, к 1780 г. горная промышленность Урала вновь стала такой, как при Петре. Как и во времена де Геннина, казенная промышленность сосуществовала с частной, где по-прежнему господствовали Демидовы, но уже появились и новые хозяева – Яковлев, Турчанинов, Осокин и др. Металлургия все еще концентрировалась на Среднем Урале, в основном между Верхотурьем и Екатеринбургом, но заводовладельцы уже смотрели на юг и север.

Промышленное освоение Башкирии и Северного Урала. Промышленность проникла в Башкирию лишь благодаря казне. Это был беспокойный край, где восстания местного населения носили практически перманентный характер. Следовательно, без вмешательства государства здесь было не обойтись. Я уже писал, что в 1723 г. Геннин построил на границе с Башкирией завод-крепость Екатеринбург. Но государство еще долгое время игнорировало заселенный башкирами Южный Урал, несмотря на все легенды о его сказочных рудных богатствах.

В 1736 г. Кирилов, начав фактическую колонизацию Башкирии, основал в Табынске первый медеплавильный завод-крепость⁵⁵. Несмотря на радужные мечты о перспективах этого завода – воображение рисовало Кирилову годовое производство меди на нем в 10000-30000 пудов – предприятие стояло. Кирилов умер, а его преемники, казалось, вообще забыли про завод, тем более что вскоре Табынск оказался в эпицентре башкирского восстания. Лишь через 8 лет, при активной поддержке Неплюева, завод был предложен частным промышленникам. На него заявили свои права Акинфий Демидов и другие заводчики, но по совету Неплюева Сенат отдал предпочтение симбирскому купцу Твердышеву. Выбор оказался удачным, и Твердышев стал Никитой Демидовым Южного Урала, т.е. пионером

горной промышленности Башкирии. В указе от 16 апреля 1744 г., предоставившем Твердышеву право на владение заводом, говорилось: «...Твердышев... чрез старание свое новые рудные признаки обыскал... А надежда на него, Твердышева,.. по известному его в Оренбургской комиссии состоянию, не сумнительна; он же, яко торгующий при Оренбурге и близь онаго в Симбирске живущий, по новости того места, для разных способов потребный человек...».

Дополнительные штрихи к портрету Твердышева добавляет знакомство с его промышленной карьерой. Получив в 1744 г. разрешение на строительство Верхоторского медеплавильного завода на притоке Белой реке Тор⁵⁶, он развернул активную деятельность. В 1762 г. Твердышев уже владел (со своим зятем и компаньоном Мясниковым) 5 медеплавильными и, что еще более важно, 2 железоделательными заводами; еще 2 домны находились в процессе строительства⁵⁷. Перед 4 железоделательными заводами – Катав-Ивановским, Юрюзанским, Симским и Белорецким – открывались широкие перспективы.

Твердышеву приходилось работать в нелегких условиях, в самом центре Башкирии, в окружении враждебно настроенных племен. Он должен был быть одновременно и строителем и дипломатом⁵⁸. Как уже говорилось, русская политика в Башкирии основывалась на принципе признания вотчинного права башкир на землю. Следовательно, на Южном Урале отсутствовали свободные казенные земли для строительства заводов и поэтому Твердышеву приходилось самому договариваться с башкирами. П.И.Рычков, хорошо знавший Твердышева, рассказывал: «По состоянию башкирского народа, который ни что столь много не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли, и отхожие, то есть лесные угодья, а наипаче пчелиные бортевые промыслы, беспристрастно можно сказать, что при первом заведении горных заводов, к коим на всякие строения, тако ж на дрова и уголье, множество лесов необходимо требуется, надо бы были великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умеренность с башкирцами, дабы от них, по их дикости и легкомыслию, от новости на землях их таких заводов затруднений не было, и вновь бы беспокойства не отрыгнуло. Но помянутый Твердышев, с компанейщиком его синбирским же купцом Иваном Мясниковым и с двумя родными своими братьями, не жалея ни труда, ни иждивения, так искусно и честно поступали, что башкирцы, полюбив их, почитали всегда хозяевами, и не только никаких помешательств и препятствий ни в чем им не чинили, но и сами, узнав свойство руд, из награждения им объявлять стали; а многие из платы и возкою на завод руды промышленять возохотились»⁵⁹.

Чтобы не вызвать восстания, государство старалось избегать крупномасштабных изъятий башкирской территории. Поэтому земли и леса, требовавшиеся для обеспечения горного производства, нужно было либо купить, либо арендовать у башкир. Позиция государства на этот счет была сформулирована в рапорте Оренбургской провинциальной канцелярии Сенату в 1753 г.: «...Правительствующий Сенат совершенно изволит знать, в каком состоянии и в каких обращениях башкирский наперед сего бывал и как ныне содержится, и хотя уже вся Башкирия новопостроенными по Оренбургской линии крепостями ныне довольно ограждена и за взятыя под те крепости земли они, башкирцы, не только не спорят, но и ничего уже не говорят, да и тому нимало не прекословят, когда в

силе учиненного в 1744 году марта 13 дня в Берг-коллегии от Правительствующего Сената апробованного определения, партикулярные люди по определению Оренбургской губернской канцелярии к приумножению тамошних казенных доходов на их землях медные и железные заводы строят, они с такими заводчиками как уже хорошо обошлись, что сами, руды сыскивая, им приносят и возкою на их заводы с рудников разработанных руд и отдачею им в оброки своих земель и угодий, охотно промышленяют и пользуются; а некоторые и продажею к тем заводам из своих вотчин земель и угодий по добровольным договорам (что им по Именным указам чинить позволено) способствуют: ибо из них земель в свойство к тем партикулярным заводам, по силе указов, более не приписывается, как токмо под заводское и хоромное строение, под плотину и под фабрики от пяти до 600 сажень, да на выпуск 50 десятин, сверх того при рудниках отводится к каждому в длину и ширину по 250 сажень, чему они нимало не спорят, узнав себе ту пользу, которая им от построения оных партикулярных заводов по вышеписанному происходит и которой у них наперед сего нимало не бывало; а притом от тамошней губернской канцелярии завсегда и крепко наблюдается, дабы те заводчики с ними, башкирцами, порядочно поступали и без договора б с ними лесом и никакими угождями не пользовались...».

Документ добавлял, что если бы заводы строило государство, то это привело бы к конфликтам. Согласившись с этими доводами, Сенат 13 октября 1763 г. издал указ, разрешавший строить горные заводы в Оренбургской губернии, то есть в Башкирии, только партикулярным людям⁶⁰. Это было негласной поддержкой Твердышева, развернувшегося на Южном Урале.

По стопам Твердышева пошли другие, в том числе те, кто ранее занимался металлургией на Среднем Урале. Так, в 1762 г. Петр Шувалов владел 2 крупными железоделательными заводами, его брат Александр – медеплавильным; внук первого Демидова открыл предприятия, которые до наших дней сохраняют огромное значение: это, в частности, Кыштымский завод, построенный в 1757 г. Никитой Демидовым на западном отроге Южного Урала. Остальные (например, тулянин Масалов, и Демидовы, основатели Златоуста) не были новичками в заводском деле. Благодаря им горнопромышленные районы Башкирии и Южного Урала, особенно в районе гор Бакал и Магнитной, стали соперничать с Гороблагодатскими предприятиями. Рудные месторождения простирались приблизительно от Уфы до Челябинска⁶¹.

Еще труднее заводам было проникнуть на север. Здесь этому мешали не воинственные племена, как в Башкирии, а природные условия. Знаменитый путешественник П.С.Паллас посетил в 1770 г. новые заводы на севере Урала: «Теперь оставалось мне осмотреть токмо прославившиеся недавно в северной горе верхотурского купца Максима Походяшина медные рудники и заводы, куда летом не иначе как верхом проехать можно. Хотя и мог я до города Верхотурья ехать спокойно коляскою... приказал я, что было само нужнейшее, навьючить на лошадей, и пятого июля после обеда отправился верхом из Нижнетуринска. Продолжая путь свой по левому берегу Туры вниз ехал я идущею из Нижнетуринска к Верхотурью дорогою, которая летом не очень способна. Ниже завода надобно тотчас

переезжать стараться Туру, которая так тиновата, что лошади вязли в ней по шею...

...а наконец переехав немалую гору и под Турою пространное урочище, где трава растет почти в человека... Как скоро удалились мы от Туры, то предстал нам темной и чрезмерно болотистой еловый бор, где сколько мы ни береглися едучи по тропинке, однако пушистые ветви рвали с нас платье и с лица кожу; лошади каждую минуту топили по брюхо в болотах, и сверх того принуждены были таскаться через гнилые и мохом уже оброслые, ветром поваленные деревья...

Взял я топор в руки и принужден прорубивать в некоторых местах для себя проход, и так брели мы сею выгоревшею пошвою версты с полторы к северу»⁶².

Я уже говорил о той части Урала, которую позже всего коснулась индустриализация. Сначала русские, шедшие в Сибирь, проникли в район Вишеры – Лысьвы, затем, когда колонизация сместилась к югу, в район Верхотурья и Тюмени, этот регион сильно обезлюдел. Позже люди вернулись туда, чтобы плавить железо и медь. Верхотурский купец, энергичный и предприимчивый Максим Походяшин, получил в 1758 г. обширные земли для строительства на них железодельного и медеплавильного заводов, примерно в 150 км (если считать напрямую) на север к Верхотурью. Завод, получивший название Петропавловского, был лишь первой ласточкой. В 1760 г. Походяшин основал там же Богословский завод, позже сыгравший большую роль для черной металлургии. Походяшин делал то, чем на Южном Урале занимался Твердышев, но первый не имел преемников, и еще долгое время его заводы оставались одиноким маяком на суровом уральском севере⁶³.

Влияние промышленного развития Урала на социальную структуру региона. Индустриализация Урала шла вслед с его заселением русскими. Когда возникли первые уральские заводы, здешних русских, рассеянных по бескрайним просторам края, едва насчитывалось несколько тысяч. Местные нерусские народы не были представлены в зарождавшейся промышленности, поскольку являлись либо слишком малочисленными, либо находились на низкой ступени развития, что делало невозможным их участие в индустрии. Это создало дефицит рабочей силы, что поставило под вопрос промышленное обустройство края. Ее нужно было найти любой ценой, иначе производство могло встать. Несколько десятков мастеровых можно было выписать из Саксонии, Тулы, или из Олонца, но большинство работников приходилось набирать на месте. Единственным топливом в то время был лес, и для его заготовки и углежжения требовались огромные человеческие ресурсы.

Для решения этих проблем государство прибегло к суровым, а порой и жестоким мерам. Переселенцы, едва начав заниматься привычным для себя земледелием, теперь всецело трудились на новых заводах, рискуя разориться и скомпрометировать экономические перспективы земледельческих районов.

Когда я писал о передаче в 1702 г. Невьянского завода Никите Демидову, то сказал, что вместе с заводом он получил и крестьян. Вот что сообщал об этом Геннин: «В 703-м году, генваря 9-го дня, по имянному ж указу и по докладной выписке за пометою думного дьяка Винууса послана на Верхотурье к стольнику и

воеводе Алексею Калетину грамота, по которой велено Никите Демидову для умножения железа и иных заводов и государевых припасов, которые ему делать велено, пушки, мартиры, фузеи, шпаги, сабли, тесаки, палаши, копья, латы, шишаки, проволоку, сталь и иные снасти приписать в работу и отдать Верхотурского уезду Аецкую, Краснопольскую слободы да монастырское Покровское село с деревнями и со всеми крестьяны с детьми и братьями и племянники и с землею и со всякими угоды. А что с тех крестьян в казну также и в монастырь денег и хлеба и всяких поборов збиралось, те все поборы денежные и за хлеб деньги, за пашни деньгами ж по вся годы брать у него, Демидова, в казну железом по договорной цене или деньгами.

И по тому указу чрез посланного в Верхотурья с приписью подьячего Александра Симонова те слободы и село с деревнями в 704-м году отданы и приписаны, в которых по переписи 1722-го году мужеска полу 1647 душ»⁶⁴.

Краснопольская слобода и село Покровское были основаны соответственно в 1642 и 1645 гг. крестьянами, шедшими в Западную Сибирь; время основания Аятской слободы нам неизвестно, но, вероятно, это также была середина XVII в.⁶⁵ Таким образом, менее чем через полвека после того, как русские переселенцы, насильно переведенные из России, распахали сибирскую целину, государство принудило их к тяжкому и похожему на крепостное праву труду в промышленности. Опыт Невьянска получил широкое распространение. К партикулярным и казенным горным заводам приписывались 1-3 города империи, жители которых были обязаны работать на них. Это были «приписные города», а их жители являлись «приписными крестьянами» – новой категорией крепостных.

Сенатский указ от 12 августа 1753 г. дал сведения о численности «приписных крестьян» на тех частных предприятиях, которые уже существовали на Урале: «1. Покойного действительного статского советника Акинфия Демидова детей... приписных по именным указам в 1704 в Верхотурском уезде 3630 душ..., в 1736 годах пришлых оставлено вечно 2604 души... 2. Статского советника Никиты Демидова... приписных в 1741 году из Кунгурского уезда государственных крестьян 1768 душ... 3. Медиплавильных вышеозначенаго ж покойного действительного статского советника Акинфия Демидова детей... 33 94 души...⁶⁶ 4. Балахонца Петра Осокина при двух заводах 2467 душ... 5. Гаврила Осокина при двух же заводах... приписных... государственных крестьян 700... 6. Семена Красильникова... приписных... государственных крестьян 368... 7. Семена Иноземцова при одном же заводе... приписных из Казанского уезда ясачных татар 126... 8. Кирила Небогатова и казанского гарнизона аудитора Литвинова... приписных... из государственных ясачных крестьян 275... 9. Тулянина Ивана-меньшева Масалова... приписных... государственных крестьян 384 души...»⁶⁷.

После этого указа численность приписных крестьян на частных заводах резко выросла благодаря росту горной промышленности в новых регионах. Гороблагодатские заводы, имевшие при Шёмберге 3106 душ крестьян, при Шувалове получили 16132 души; 2 завода, которые тот же Шувалов построил в Вятской провинции – Ижевский и Воткинский, получили 23215 душ, его башкирский завод (Авзяно-Петровский) – 1920 душ. Вознесенский завод Северса в Башкирии имел 1000 душ. Алапаевский, Синячихинский и Сусзанский заводы майора Гу-

риева владели 4138 душ, Кыштымский и Каслинский заводы Никиты Демидовы на западных отрогах Южного Урала – 5582 душ. Наконец, на севере Богословские заводы Походяшина получили 4200 крестьян. Речь здесь идет прежде всего о «душах мужского пола»⁶⁸.

Крестьяне, приписанные к казенным заводам, не меняли хозяина – им по-прежнему оставалось государство. Вместо того, чтобы обрабатывать «государеву землю» или землю, сданную в аренду, крепостной превращался в промышленного рабочего.

Число приписных крестьян на казенных заводах до массового перехода предприятий в руки партикулярных лиц значительно превосходило число крестьян на частных заводах. Геннин приводит такие цифры:

Екатеринбургские заводы – 4774 души;

Сысертский завод – 3510 душ;

Каменский завод – 7051 душа;

Алапаевский завод – 5112 душ;

Лялинский завод – 412 душ;

Пыскорский завод – 4070 душ;

Ягошихинский завод – 735 душ⁶⁹.

В первой половине XVIII в. из небольшого числа землепашцев, осевших на безлюдном Прикамье веком ранее, около 35000 были насильно отданы заводам. Это была значительная цифра, особенно для начального этапа русской колонизации. Естественно, что местные власти отрицательно относились к усилиям горной администрации по приписке крестьян к заводам⁷⁰.

Первоначально людей получали из соседней Западной Сибири, но их не хватало, и вскоре приписка распространилась на казанских и пермских крестьян, нередко живших очень далеко. Обратимся к текстам наказов государственных крестьян Казанской провинции, Кунгурского, Соликамского и Чердынского уездов в Уложенную комиссию 1767 г.

Крестьяне 7 сел Ногайской дороги Казанской провинции, приписанных к Вознесенскому заводу барона Сиверса в Башкирии, за 700 верст отсюда, жаловались: «А в проход до того завода быть имеет по благополучному пути и с возвратом два месяца и болше».

Заводские крестьяне Кунгурского уезда сообщали, что им приходится преодолевать по 100-140 верст, чтобы добраться до Ягошихинского и Мотовилихинского заводов, 40-110 – до Юговского завода, 70 – до Сылвинского завода, 170-220 – до Сергинского завода Демидова.

Крестьяне Соликамского уезда, приписанные к Аннинскому заводу графа Чернышева, писали: «А оный Аннинский завод от наших приписных жителств в разстоянии состоит не меньше: от далних трехсот тридцати и трехсот пятнадцати, а от ближних трехсот верст».

Крестьяне Чердынского уезда, приписанные в Петропавловскому и Туринскому заводам Максима Походяшина утверждали, что эти заводы были удалены от мест их проживания на 500-600 верст и добавляли: «А которые с своими лошадми туда ездят, то по далнему разстоянию от наших приписных жителств и что дорога до завода лежит чрез города Соликамск и Чердынь, весьма затруднительна,

болотами, реками, лесами и топучими местами и камением, то с великою трудно- стию на завод и впредь доезжать можем. А обратно с завода, будучи лошади ут- руждены, в дома приводить не можем в живости, которые от великаго затрудне- ния и неспособности в пути пропадают наполовину. Ибо у онаго заводчика Похо- дишина от заводов никаких мостов и переправ не имеется»⁷¹.

Приписные крестьяне, в основном, должны были рубить лес, жечь и пере- возить уголь, добывать руду. Наконец, на некоторых заводах крестьяне сплавляли готовую продукцию по воде. О собственно заводских рабочих речь пойдет ниже. Заготовка леса была сезонной работой и велась посменными командами. Это бы- ло вызвано низкой зарплатой приписных крестьян. Чтобы хоть как-то существо- вать, они должны были вести свое хозяйство, что часто приводило к конфликтам: крестьяне-землепашцы протестовали против ненужного им заводского труда⁷².

Впрочем, имелись и другие причины для недовольства: низкая зарплата, удаленность заводов и др. Скрытый протест, существовавший в начале XVIII в.⁷³, позднее вылился в открытое восстание, охватившее множество приписных дере- вень и горных заводов.

Крестьяне Казанской провинции, первыми приписанные к Авзяно- Петровскому заводу Шувалова в Башкирии, в 1754 г. отказались подчиниться приписке. Властям пришлось применить военную силу и сурово наказать бун- товщиков. В 1755 г. аналогичное волнение произошло среди крестьян той же про- винции, приписанных к Вознесенскому заводу барона Сиверса, также распо- ложенному в Башкирии; оно было подавлено с помощью войск, но вновь вспыхнуло в 1760 г., правда, не так мощно. Несмотря на свое обещание возобновить работу, приписные крестьяне на следующий год опять ушли с завода. В 1760 г. беспоряд- ки охватили крестьян сибирских деревень, приписанных к Каслинскому и Кыш- тымскому заводам Никиты Демидова. Здесь волнения достигли значительного размаха. Посланные на их подавление войска вступили в настоящий бой с крестья- нями, в ходе которого было ранено 52 солдата. На следующий год движение распространилось на Гороблагодатские предприятия, Верхне-Исетский завод Во- ронцова, а также Ижевский и Воткинский заводы Шувалова, именуемые также Камскими заводами⁷⁴.

Анархия, грозившая охватить весь промышленный Урал, встревожила правительство. В декабре 1762 г. Екатерина II поручила изучить ситуацию на мес- те князю Александру Вяземскому, будущему генеральному прокурору Сената, т.е., фактически, министру финансов и внутренних дел. Он должен был посетить взбунтовавшиеся заводы, изучить причины волнений и внести предложения по улучшению ситуации⁷⁵. Его выводы были обобщены в указе Екатерины II от 9 ап- реля 1763 г., который предписал распространить на все уральские заводы разра- ботанное Вяземским «Учреждение приписным покойного господина генерал- фельдмаршала и кавалера Шувалова к Ижевскому и Воткинскому заводам крестья- нам». С этого документа берет свое начало российское социальное законода- тельство. В «Учреждении» говорилось: «По многим дошедшим до Нас известиям о возмущении крестьян, приписных к разным рудным заводам, принуждены Мы нашли послать с особливими от Нас наставлениями, Нашего генерал- квартирмейстера князь Александра Вяземского, как для приведения тех крестьян

к надлежащему подобострастию, так и для разыскания прямых причин, от чего сие учинилось. А по учиненным Нам от помянутаго Вяземскаго обстоятельным доношениям оказалось: 1) приписка свмых крестьян к заводам пристрастная, и для угождения инде поверенными деланная тем персонам, кому оные заводы принадлежат, так, что крестьян на выбор приписывали не по селам и деревням, но по домам и выборным людям, включая одних годных к работе, от чего произошло великое неравенство и отягощение по селам и деревням на крестьян... 2) Расчисление дней рабочих для заводов со днями, оставляемыми для земледелия на прокормление крестьянам себя и семей своих так худо уравнено, что самая наибольшая тягость крестьянам от того произошла. 3) Налог работ усмотрен столь велик, что работник того в день выработать отнюдь не может, ни нищий, ни конный, что на него налагаются. 4) Производимая плата крестьянам по учреждению Берг-коллегии делается зачетом в подушной оклад за все в перепись положенныя за каждую, во сколько дней она окончана быть может, по плакатному положению; от чего на Ижевском и Воткинском заводах графа Шувалова великое неуравнение и крестьянам неудобь носимая тягость и разорение нашлись. 5) Сверх того жительство приписных к Ижевскому и Воткинскому заводам крестьян нашлось инде во отдалении до четырехсот верст, и в таких нарядах из отдаленных мест работникам чрез круглой год великое потеряние во времени усмотрено...».

«Учреждение», приложенное к указу от 9 апреля 1763 г., пыталось положить конец злоупотреблениям. Теперь заводской управитель не мог налагать на крестьян более работ, чем их требовалось выполнить за подушный оклад. Приписные должны были работать сменяющимися друг друга сотнями (командами). Распределение работ необходимо было утверждать заранее, а контроль за дисциплиной возлагался на выборных сотников. Время перехода с деревни на завод подлежало оплате по соответствующему тарифу. Наконец, зарплата и налоги записывались в особую конторскую книгу⁷⁶.

Я не буду подробно рассматривать все эти вопросы. Отмечу лишь, что, несмотря на всю неэффективность института приписки, Вяземский не предлагал его упразднить: без этого обойтись было нельзя, поскольку иных источников рабочей силы пока не было.

Каковы были эти иные источники?

В первую очередь, крепостное право. Юридически никаких препятствий для привлечения к заводскому труду принадлежавших заводчику крепостных крестьян, или покупка их для этой цели, не было. Но на практике это было сделать трудно: землепашцы были также нужны, как и работники заводов, и их тоже не хватало. Только Строгановы, крупные помещики Урала, могли легко прибегнуть к этому способу, но их промышленная деятельность никогда не была достаточно активной. У Демидовых первоначально было мало земли и крепостных в центре России. Такими же было и большинство других заводчиков. Тем не менее, крепостные появились на заводах во второй половине XVIII в. «Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве», которое приблизительно датируется 1782 г., дает нам следующие сведения о предприятиях на территории Башкирии. У Твердышева работали его крепостные, в количестве 491 душ на Архангельском, 509 – на Преображенском и 468 – на Верхотурском заводе. 3 Троиц-

ких завода майора Осокина использовали его крепостных, соответственно, 248, 229 и 273 душ. Железодельные заводы Мясниковых имели в своем распоряжении крепостных крестьян: Симский завод – 1165, Катав-Ивановский завод – 1275, Белорецкий завод – 871, Юрюзань-Ивановский – 675, Усть-Катавский – 444. Крупный железодельный завод Евдокима Демидова, о котором речь шла выше, кроме приписных давал работу 72 своим крепостным, Верхне-Узянский и Кагинский заводы того же Демидова имели соответственно 109 и 376 крепостных. 1780 крепостных Лугина работали на его заводе в Златоусте, 878 на – Саткинском заводе; 417 крепостных Масалова обслуживали его Кана-Никольский завод; 624 принадлежали наследникам Хлебникова на его Благовещенском заводе; 97 – Красильникову на его Архангельском заводе; 176 – Иноземцеву на его Иштерьякском заводе; 360 – Глазову на Богословском медеплавильном заводе⁷⁷. В совокупности эти цифры составляют приблизительно 11500 крестьян, ставших промышленными работниками, но они относятся к последней четверти XVIII в., и вполне вероятно, что пятьюдесятью годами ранее они были меньшими.

Наконец, нельзя считать, что в XVIII в. в горной промышленности абсолютно отсутствовал свободный труд. Несмотря на то, что в России все население четко разделялось на сословия, всегда были исключения – беглые помещичьи крестьяне, дети, незаконнорожденные, скрывавшиеся в лесах и горах от преследований староверы, солдаты-дезертиры и прочие гулящие люди, которые стекались на эти безлюдные и далекие земли. Частные промышленники и казна привлекали их на заводы, нередко незаконно. Правительство старалось не обращать на это внимания, кроме откровенно вопиющих случаев. Сенатский указ от 20 сентября 1723 г. сообщал, что происходило на заводах Демидова: «Правительствующий Сенат приказали: по доношению из Сибирской губернии полковника Сонцова-Засекина, о сысканных беглых рекрутах, которые жили Никиты Демидова на железных заводах для работы из найму, человек с полтора, а что они беглые, про то де ему, Демидову, не сказывались, да и он де, Демидов, допросом своим показал, что у него оные беглые жили на заводах из найму, а что они беглые рекруты – не ведал, и за оных беглых рекрут на нем, Демидове, также и впредь где явятся и на других каких заводах беглые ж солдаты и рекруты, штрафныя деньги править ли?»

Сенат добавлял: «Что де он, Сонцов, в доношении своем объявляет, что Никита Демидов прислал к нему с Именнаго Его Величества указу копию, по которому с фабрик учеников и работников, чьи б они ни были, хотя и беглые явятся, отдавать не велено и по оному указу беглых с фабрик отдавать не велено помещиковых людей и крестьян, а чтоб беглых рекрут с заводов не отдавать, в том указе того не написано»⁷⁸.

Таким образом, мы видим, что государство было вынуждено терпеть на заводах весь этот сброд, если только люди не скрывались от рекрутчины. Конечно, государство хорошо понимало, насколько двусмысленна данная ситуация, но экономическая выгода в итоге одержала верх.

Государство не просто следило за всем этим, но даже поддерживало такое положение на казенных заводах. Указ от 15 июля 1726 г. предписал прикрепить к екатеринбургским заводам всех находящихся там крестьян, сбежавших от Дворца

и духовенства, чтобы не платить подушную подать в местах своего прежнего проживания⁷⁹.

В 1755 г. государство по просьбе заводовладельцев вмешалось в ситуацию. На основании сенатского указа от 30 декабря этого года все пришлые были объявлены вечноотданными заводу. Государственные заводы получили, таким образом, 2357 душ, наследники Акинфия Демидова – 2674, Никита Демидов – 189, барон Сергей Строганов – 22, Петр Осокин – 675, Гаврила Осокин – 735. Партикулярные заводчики в общей сложности заимели 4493 души. В результате этих мер переселенцы оказались приписанными к заводам как крепостные крестьяне – к своим помещикам.

Добились этого с помощью ревизий (переписей населения). Пришлых записали к заводским крепостным, и таким образом навсегда привязали их с семьями к заводчику⁸⁰.

Мы видели, что среди гулящих людей, пришедших на уральские заводы, фигурировали староверы. Они сыграли важную и очень полезную роль в организации промышленности. Их нравы, действительно, были очень строгими. Татищев насчитал в 1736 г. на Урале 1250 староверов-мужчин и 611 женщин, и добавлял: «Раскольников-де в тех местах умножилось, а наипаче, что партикулярных заводах Демидовых и Осокиных приказчики едва не все, да и сами промышленники некоторые – раскольники; и ежели оных выслать, то конечно им заводов содержать не кем и в заводах Ея императорскаго величества будет не без вреда»⁸¹.

Староверы, как и другие переселенцы, в конце концов превратились в крепостных, принадлежащих заводчикам. Раз внесенные в ревизские сказки, они в дальнейшем рассматривались как принадлежавшие со всем своим потомством заводу⁸².

Однако свободный работник не исчез. Приписные крестьяне часто подменяли себя вольнонаемными работниками. Я не знаю, где они их находили, но об этом факте говорят наказы в Уложенную комиссию 1767 г.⁸³ «Топографическое описание» заводов Башкирии 1782 г. также показывает, что промышленники часто обращались к вольнонаемным, чтобы пополнить ряды своих работников⁸⁴.

Не все люди, отданные государством в промышленность, являлись рабочими в прямом смысле этого слова. Как уже говорилось, приписные крестьяне и крепостные были в основном заняты рубкой леса и углежжением, т.е. наполовину сельскохозяйственными занятиями. Но владельцы заводов пытались сделать из принадлежавшей им людской массы настоящих рабочих. Техника того времени была такова, что собственно рабочих было мало. Интересные цифры на этот счет содержит упомянутое «Топографическое описание». Из 3735 крепостных, работавших на заводах Твердышева, 850 были приказчиками, мастерами и работными людьми. У Осокина из 750 крепостных 541 составляли приказчики, мастера и работные люди; вероятно, большая часть вспомогательных работ осуществлялась вольнонаемными. Мясников владел 4403 крепостными, из которых 941 работал на заводах. У Хлебникова, Красильникова, Иноземцева и Глазова эти пропорции были соответственно 182 из 624, 47 из 97, 25 из 176, 135 из 360 человек⁸⁵.

Какова бы ни была численность работников на уральских заводах в XVIII в., совершенно ясно, что именно тогда зародился новый социальный класс – про-

летариат. Его появление добавляет дополнительный штрих в картину социальных изменений, ставших результатом индустриализации Прикамья и Западной Сибири.

Перевод с французского кандидата филологических наук, доцента Башкирского государственного университета Л.Ф.Сахибгареевой по: Nolde B. La formation de l'empire Russe. Paris, 1952. Т.I. P.236-273.

¹ Г.Ф.Миллер (*Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750. Кн.1. С.76 и сл.) и А.Введенский (*Введенский А.* Аника Строганов в своем сольвычегодском хозяйстве // Сборник статей по российской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.97 и сл.), по-видимому, допускают, что в своих владениях на Каме Строгановы в начале XVI в. положили начало производству железа. Эти авторы полагают также, что Строгановы позаимствовали технологию его производства у англичан, за которыми им было поручено присматривать. Англичане действительно получили в 1569 г. право эксплуатации железных рудников в России (привилегия сэра Томаса Рандольфа), но не на Каме, а на Вычегде (*Lioubimenko I.* Les relation commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933. P.36). Впрочем, маловероятно, что англичане воспользовались этим. Попытки Строгановых производить железо, безусловно, следует отнести не к XVI в., а к более позднему времени.

² Грамота от 15 апреля 1641 г.: *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С.42-43.

³ Указания Ивану Онофриеву от 25 января 1643 г.: Там же. С. 48.

⁴ Там же.

⁵ *Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов 1737 г. М., 1937. С. 540 и след. (эта важная работа одного из создателей металлургической промышленности на Урале, о котором я еще расскажу далее, частично была опубликована ранее: Горный журнал. 1828); Дополнения к актам историческим. Т. V. № 10/VIII; *Злотников М.* Первое описание уральских и сибирских заводов // *Геннин В.* Указ. соч. С. 19.

⁶ См.: Кунгурские акты XVII-го века (1668-1699 гг.). СПб., 1888. № 76, где кунгурскому воеводе рекомендовалось способствовать подполковнику Лорану Нейтору в поисках меди (4 августа 1699). Мы не знаем, кто был этот подполковник, но возможно речь идет о бывшем шведском военнопленном, ср.: *Hermann V.F.J.* Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebürges. Berlin u. Stettin, 1789. Bd.I. S.13.

⁷ *Геннин В.* Указ. соч. С.462.

⁸ Компиляцию сведений, извлеченных М.Злотниковым из архивов Свердловска см.: *Геннин В.* Указ. соч. С.42 и след.

⁹ *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.13.

¹⁰ Дополнения к актам историческим. Т. V. № 10; *Бакланов Н.* Техника металлургического производства на Урале. М.; Л., 1935. С.13 и след.

¹¹ К сожалению, биографии Виниуса не существует. См. о нем: *Хмыров М.Д.* Металлы, металлические изделия и минералы в древней России (материалы для истории русского горного промысла). СПб., 1875. С.236. Несколько данных о его административной карьере можно найти в приложении к его письму Петру I от 16 ноября 1706 г.: Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т.V. С.721 и след. См. также: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т.II. С.125 и след.

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т.I. С.623, 627, 664, 722, 721, 263, 264, 732, 731, 637.

¹³ *Schlözer A.L.* Münz-geld und Bergwerks-Geschichte des Russischen Kaiserthums, von J.1700 bis 1789. Göttingen, 1791. S.84.

¹⁴ О нем см.: Русский биографический словарь. СПб., 1905. С.219 и след.

¹⁵ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Т. I. № 7. Указ властям Тобольска, датированный 1700 г., приводится в забытой ныне статье Н.Абрамова «О железных и оружейных заводах в XVII и первой половине XVIII столетий» (Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. Т. XXX. С. 190 и след.).

¹⁶ См. речь Татищева от 12 декабря 1734 г.: *Берх В.* Жизнеописание тайного советника В.Н.Татищева, бывшего советника Берг-коллегии и начальника всех сибирских горных заводов // Горный журнал. 1828. № 3. С. 98 и след.

¹⁷ *Геннин В.* Указ. соч. С. 611, 487, 447, 475.

¹⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. С. 721 и след.

¹⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1842. Т. V. № 267.

²⁰ Памятники сибирской истории XVIII века. Т. I. № 46 (память Верхот. Невьянск. заводов уговорщику Никите Демидову); «Сказка» Прокофия Демидова (внук Никиты) от 18 августа 1774 г.: «... Государь император Петр Великий... пожаловал ему (Никите Демидову. – Б.Н.) в Сибири железные заводы» (Сказка П.А.Демидова // Русский Архив. 1873. № 11. С. 2244).

²¹ Памятники сибирской истории XVIII века. Т. I. №№ 44, 46, 69; Распоряжение Петра Великого. Память Н. Демидову // Русский Архив. 1880. Т. I. С. 131; *Голиков И.* Деяния Петра Великого. Изд. 2-е. Т. II. С. 518 и след.; *Устрялов Н.* Указ. соч. Т. I. С. 390; *Геннин В.* Указ. соч. С. 611 и след.

²² *Геннин В.* Указ. соч. С. 615 и след.

²³ Памятники сибирской истории XVIII века. Т. I. №№ 30, 56; *Геннин В.* Указ. соч. С. 548.

²⁴ *Геннин В.* Указ. соч. С. 617 и след., 622 и след.

²⁵ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Т. II. № 84; *Геннин В.* Указ. соч. С. 35.

²⁶ См.: *Берх В.* Жизнеописание... // Горный журнал. 1828. Кн. I. С. 99; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 2. С. 539 и след.

²⁷ *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. I. С. 51 и след.; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 2. С. 471 и след.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3986; *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина... // Горный журнал. 1826. № 4. С. 86 и след.

²⁹ Письмо Апраксину от 17 декабря 1722 г.: Там же. С. 109 и след.

³⁰ *Геннин В.* Указ. соч. С. 450.

³¹ Письмо Геннина Петру I от 9 марта 1723 г. и императрице Екатерине от 12 июня 1723 г. опубликовано: *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина // Горный журнал. 1826. № 4. С. 114 и след.; *Геннин В.* Указ. соч. С. 75; Памятники сибирской истории XVIII века. Т. II. № 99.

³² *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина // Горный журнал. 1826. № 4. С. 121 и след.

³³ Там же. № 5. С. 120 и след.

³⁴ Ср. донесение Геннина в 1728 г. в: Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 84. С. 403 и след.; *Злотников М.* Указ. соч. С. 63.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3463; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. II. С. 397; *Лебедев В.* Реформы Петра Первого. М., 1937. С. 31; *Герман И.* Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. Т. I. С. 21 и след., 26 и след. Ср. общие наблюдения: *Фирсов Н.А.* Российские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII-го столетия. Изд. 2-е. Казань, 1922. С. 52 и след.; *Туган-Барановский М.* Русская фабрика. Изд. 6-е. М.; Л., 1934. С. 6 и след.

³⁶ *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина. № 5. С. 107.

³⁷ *Геннин В.* Указ. соч. С. 630, 631; *Hermann V.F.J.* Op. cit. Vd. I. S. 361 и сл., 389 и сл.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6559; *Берх В.* Жизнеописание тайного советника В.Н.Татищева. № 23. С.147 и след.; *Герман И.* Указ. соч. С.137 и след.; Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6841.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6411; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.106. С.231; *Чупин Н.* Отдача казенных заводов в частные руки в прошлом столетии // Горный журнал. 1861. Т.2. С.556; *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. № III. С.129 и след.; Он же. Материалы к истории горного промысла в царствование императрицы Елизаветы Петровны // Горный журнал. 1890. № 4.

⁴⁰ *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. № II. С.127; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1887. Т.XX. С.202; *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.16 и сл.

⁴¹ *Рожков В.* Материалы к истории горного промысла. С.339 и след.

⁴² *Müller.* Erzbach // Handwörterbuch der Staatswissenschaften <Сноска не полная>.

⁴³ *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны.

⁴⁴ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т.XX. С.197.

⁴⁵ *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.254; *Gmelin M.* Voyage en Sibérie / Traduction libre de Gallemard par M. de Keralio. Paris, 1767. Т.I. P.231.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 7086; Т. X. №№ 7589, 7600.

⁴⁷ Там же. Т.X. № 7767.

⁴⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.130. С.145 и след., 629; *Чупин Н.* Указ. соч. С.558-559.

⁴⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.XI. № 8543, 8571.

⁵⁰ Отчет Сената, санкционированный 7 апреля 1742 г. см.: *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны. С.122 и след.

⁵¹ *Чупин Н.* Указ. соч. С.562.

⁵² Там же. С.564.

⁵³ Полное собрание законов Российской империи. Т.XVI. № 11967.

⁵⁴ *Чупин Н.* Указ. соч. С.571; *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.325 и сл.

⁵⁵ *Рычков П.И.* История Оренбургская. С.216 и след.; Он же. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762. С.392.

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.XII. № 8921.

⁵⁷ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Т.XIX. С.25 и след.; *Рычков П.И.* Топография. С.399 и след. Автор и время создания первого из упомянутых произведений не указаны издателем «Вивлиофики» И.Новиковым; видимо, оно было написано в 1782 г. одним из сыновей П.И.Рычкова (ср.: Древняя Российская Вивлиофика. С.23 и след.).

⁵⁸ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т.XXIV. С.239.

⁵⁹ *Рычков П.И.* Топография. С.394 и след.

⁶⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т.XIII. № 10141.

⁶¹ *Зверинский В.* Оренбургская губерния: Список населенных мест по сведениям 1866 г. СПб., 1871; Продолжение записок путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. СПб., 1822. Т.IV. С.20 и след., 45 и след., 53 и след., 86 и след., 109, 155 и след., 184 и след., 202 и след., 279 и след., 298 и след.; Записки путешествия академика Фалька // Там же. С.60 и след.; *Рычков П.И.* Топография. С.399 и след.

⁶² *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч.II. Кн.1. С.277 и сл.

⁶³ *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.359 и сл.; Продолжение записок путешествия академика Лепехина. С.91 и след.

⁶⁴ *Геннин В.* Указ. соч. С.612 и след.

⁶⁵ *Буцинский П.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Краков, 1889. С.53, 134.

⁶⁶ Эта цифра включает не только «приписных крестьян», но также и «пришлых» (о них речь пойдет ниже).

⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т.ХIII. № 10131.

⁶⁸ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т.II. С.302, 303, 305, 329, 331; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.7. С.194.

⁶⁹ *Геннин В.* Указ. соч. С.436 и след., 475, 488, 528, 567. Точной статистики общей численности приписных крестьян на уральских заводах в XVIII веке нет. Данные В.И.Семевского (*Семевский В.И.* Указ. соч. СПб., 1903. Т.I. С.304, 365) касаются приписных крестьян всей России, и поэтому их невозможно здесь использовать.

⁷⁰ Ср. спор между Генниным и вице-губернатором Сибири Болтиным по поводу деревень, приписанных к Сысертскому заводу: *Геннин В.* Указ. соч. С.463.

⁷¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.115. С.255, 266, 289, 296.

⁷² Детали организации труда приписных крестьян см. в уже упомянутых тетрадях за 1767 г. в томе X Материалов Законодательной Комиссии Екатерины II и у В.И.Семевского (Указ. соч. Т.II. С.295-561).

⁷³ См., например, жалобу крестьян Невьянской деревни на Акинфия Демидова от 18 марта 1708 г.: Памятники сибирской истории XVIII века. Т.I. № 79.

⁷⁴ *Фирсов Н.А.* Указ. соч. С.181 и след.; *Семевский В.И.* Указ. соч. Т.II. С.322 и след.

⁷⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.7. С.188 и след. Краткое изложение о миссии Вяземского: *Семевский В.И.* Указ. соч. Т.II. С.350.

⁷⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.XVI. № 11790.

⁷⁷ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве. С.10 и след.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4305.

⁷⁹ Там же. № 4931.

⁸⁰ Там же. Т.XIV. № 10494. Я не рассматриваю здесь юридическую сторону этого документа о русском крепостничестве. Достаточно сказать, что заводские крепостные были, как и остальные крепостные, прикреплены не к земле, а к своему господину. См. об этом классические выводы В.О.Ключевского (*Ключевский В.О.* Опыты и исследования. М., 1919. С.184 и след.).

⁸¹ Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. Синода. СПб., 1860. Кн. 1. С.349-350.

⁸² История староверов на Урале пока еще не написана, ср.: Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6835; Т.X. №№ 7172, 7663.

⁸³ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.115. С. 260, 261, 265.

⁸⁴ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве. С.70, 104.

⁸⁵ Там же.